

Гай Юлий Орловский

Юджин

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Мир Трёх Лун

Юджин – повелитель времени

Гай Орловский

Мир Трех Лун

«ЭКСМО»

2015

Орловский Г. Ю.

Мир Трех Лун / Г. Ю. Орловский — «Эксмо», 2015 — (Юджин — повелитель времени)

Потеря работы – дело, конечно, неприятное, но не смертельное. Особенно если завтра начинается Чемпионат мира по футболу, а ты живешь в комфортном и безопасном мире, пронизанном компьютерными технологиями, где даже холодильник сладким голосом предупреждает о нехватке продуктов. Ну что может угрожать молодому москвичу в собственном доме в процессе просмотра телевизора? Увы, в одно мгновение все изменилось, и Евгений (он же Юджин) внезапно обнаружил себя посреди девственной природы. Слева – зеленая равнина, справа – первобытный лес, а со стороны далекого строения, похожего на замок, неумолимо приближаются всадники средневековой наружности с непонятными намерениями... «Дитя асфальта и смартфонов» неожиданно попадает в мир меча и магии. Казалось бы, зачем еще один роман на эту тему, когда их сотни, даже тысячи? Прочтите... и увидите, что в такой мир еще никто никогда не попадал! И никто никогда не сталкивался с таким вызовом... Новинка от создателя легендарного цикла «Ричард Длинные Руки»!

© Орловский Г. Ю., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10	46
Глава 11	50
Глава 12	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Гай Юлий Орловский

Мир Трех Лун

© Орловский Г.Ю., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Штиль хуже самой сильной бури.
Лойола

А он, мятежный, ищет бури...
Лермонтов

Часть первая

Глава 1

Когда теряешь работу, как бы ни хорохорился перед друзьями и знакомыми, дескать, сам бросил, все равно внутри нехороший такой мандраж и тянущая пустота. Многие работают, кто-то вообще служит, и хотя вечно стонут, что работы много, а денег мало, но никто не спешит на вольные хлеба, с этой автоматизацией рабочих мест все меньше, работать стало престижно, с ума сойти.

Раньше вечно не хватало рабочих рук, висели объявления о приеме на работу, а сейчас все занято, а кто не работает, тот, понятно, лузер, отходы, шлак.

Я пришел в одну из фирм, выбрав поближе к дому, чтобы не тратить время на дорогу, там посмотрели мой диплом, начальник по кадрам сказал одобрительно:

– О, везде отлично... Вы, судя по диплому, работник ценный...

Я с достоинством поклонился и приготовился объяснить, почему оставил предыдущую работу, там не ценят молодых и креативных, но он ткнул в дисплей пальцем, нахмурился, подвигал что-то, затем сразу тремя, но что-то не идет, нахмурился сильнее, быстро зыркнул на меня, вздохнул. Я делаю вид, что не замечаю, реликт с современными прогами не совсем, а он с мрачным лицом наклонился к клавише – старики по старинке предпочитают пользоваться этой допотопной штукой, – поискал взглядом какие-то кнопки, зажал сразу три, ну да, горячие задействовал, а вот еще, лицо сразу прояснилось, дескать, все еще орел, получилось, не уступаю всяким там молодым и никчемным.

– Так... ого... а это даже круче, – бормотал он и всматривался в экран с еще большим изумлением, – даже не знал, что можно вот так... здорово... Вы что же, в самом деле за весь год на лекциях появились только однажды?

Я взмекнул, откуда такая информация, да еще из моего диплома, а он продолжал всматриваться с растущим удивлением и, как мне показалось, с нехорошим злорадством.

– А это вообще за предел, – проговорил он словно сам себе, – все экзамены по шпорам, диплом из выловленных в инете кусков... М-да...

Я сказал отчаянным голосом:

– Не знаю, как такое можно вычитать из моего диплома, но неужели сомневаетесь, что оценки подлинные? Не сам же я их поставил?

Он усмехнулся, откинулся на спинку кресла, даже поерзал чуть, теперь там устанавливают валики, массирующие застоявшиеся мышцы, а на меня посмотрел с неким сочувствием.

– Прожигая жизнь по ночным клубам, – проговорил он, – вы могли не знать, что в дипломы давно уже начали вносить незримые метки... Это было сделано даже не против таких, как вы, хитроумных, как вы считаете, а против платников и позвоночников, за которых либо заплатили родители, либо позвонили сверху... Знаете ли, надо спасти страну от таких. Они еще хуже, чем вы, которые просто ловчат и думают, что в самом деле обманывают профессоров, хе-хе... Неужели всерьез верите, что ваш препод не видит, кто из вас пользуется шпаргалками?.. Он просто отбирает у тех, кто наглет слишком явно, а остальные... что ж, им же хуже. Всегда на любом курсе есть один-два, кто занимается всерьез, им и тянуть науку, править страной, развивать бизнес, менять экономику... А вы все, кто ловчил, уйдете в офисный планктон с минимальной зарплатой... да и то при стремительно растущем уровне безработицы, как вы понимаете, только при очень большой удаче.

Я спросил тупенько:

– А что за пометки в дипломе?

Он усмехнулся:

– Сейчас обходятся без этой старины. Всего два клика, и о каждом на мониторе вся инфа. Когда везде видеокамеры, когда все пишется и анализируется, кого хотите обмануть?.. Вы можете писать в своем резюме все, что хотите, но у меня на экране о вас с момента, когда оказались самым шустрым из сперматозоидов, и вплоть до того, где вчера помочились у ларька на улице... Так что, мой совет, даже не пытайтесь поступать в приличные фирмы. Время потеряете. Вы планктон, только планктон, а при нынешней автоматизации и планктон уже без надобности. Помню, в старину это называлось «А иди-ка попляши». В нашем обществе, к счастью для вас, существует социальное пособие...

И я ушел, как побитая собака, хотя что это я, собак теперь не бьют, животных вообще везде берегут, даже закон о защите есть, это к людям повышенные требования, почему-то обязаны, должны.

Вообще-то насчет прожигания в ночных клубах он загнул, не так уж часто я там и бывал, скорее наоборот, я трижды в день каторжаню себя в тренажерном зале, сейчас без мускулов хоть не выходи на улицу, и это едва ли не единственное, где я работал до седьмого пота.

Как-то смотрел старые фильмы, где Спартак героически бьется на арене и побеждает пятерых, там в главной роли такой дрыщ, смотреть гадостно, а сейчас любой актеришка, что играет даже хилого затурканного интеллигентика, то и дело словно невзначай демонстрирует бицепс от сорока пяти и выше, мощные грудные плиты, красиво подрезанные даже сверху, что невыносимо трудно, по себе знаю, широчайший размах вздутых плеч, а в поясе у таких не больше семидесяти.

Да что там актеры, даже простые дедуганы ходят по улице накачанные, как носороги, делать им нечего, а пить и курить все поголовно бросили, тут уж поневоле, глядя на таких, будешь ходить в качалку, благо времени у всех девать некуда.

Друзья сейчас начнут доставать насчет удалось ли устроиться, и хотя у меня их немного, зато френдов в Фейсбуке три сотни, хоть один да спросит, а потом начнется веселое гы-гы, хотя сами не намного лучше, а кто-то и хуже.

Автомобильчик у меня не зря припаркован в сторонке от стоянки. Там за оградкой все как один сверкают, будто драгоценные камни, а я не хочу, чтобы мой выглядел гадким утенком, которому никогда не стать лебедем.

Дверца едва снова не слетела с петель, когда я стремительно подошел, а мотор долго делал вид, что не замечает моих попыток разбудить и заставить поработать.

Надо бы домой, но это расспросы матери, эсэмэски друзей, голосовой чат, у кого что, а у меня сейчас все обрублено под предлогом того, что я на собеседовании в крупной фирме.

Потихоньку вырулил на широкую улицу, мимо пошли вжикать на огромной скорости автомобили с сенсорами и автоматикой, однако я не могу превысить скорость в девяносто километров со своим почти ручным управлением и скособоченным боковым зеркалом.

Прибавлю скорость – тут же засекут и вообще лишат прав, пока не оборудую авто всякими штуками, что следят за неровностями на дороге, соседними авто и сами тормозят, избегая столкновений.

Я долго и бесцельно колесил по городу, пока не обнаружил себя на Симферопольском шоссе, справа и слева потянулись ухоженные коттеджные поселки.

У меня тоже есть домик: при системе айн киндер все больше остается от предков квартир и загородных домов. Их либо сразу продают, либо сдают мигрантам, а мне от одного из четырех прадедов достался довольно большой и просторный сарай, иначе это не назовешь, лет двадцать не было ремонта, и он, на мой взгляд, помнит еще времена Екатерины Второй.

У соседей ухоженные участки, трава подстрижена, цветочки всякие по краям дорожек, у некоторых даже прудики в три метра в диаметре, мощно квакают лягушки, сейчас разводить

их модно, только у меня трава по пояс, уже дважды приходил участковый и грозил штрафом, если не скошу.

Я пробовал вякать насчет собственности, что хочу, то и делаю на своем клочке земли, демократия у нас или че, за что боролись, где наши завоеванные в тяжелой борьбе свободы, но он пояснил свысока: все-таки власть, что таким непотребным соседством снижаю цены на соседние участки других свободолюбивых демократов и тем самым наношу материальный ущерб вообще всем живущим в поселке, а такое в нашем гуманном и демократичнейшем мире карается по всей строгости, кто бы подумал, закона.

Пришлось смиренно пообещать, что приведу в порядок, хотя, как подумаю о таком, настроение портится, будто живу в гнусном тоталитарном обществе, о котором каждый день по жвачнику крутят пропагандистские ужастики.

Ворота рассмотрели меня издали и распахнулись как раз к моменту, когда машина подкатила на большой скорости, что вообще-то запрещено на территории поселка. Еще ни разу не удалось их застать врасплох, хотя не раз снижал скорость, а потом несясь на форсаже, умный дом все рассчитывает точно, а он ведь, гад, в таких вопросах умнее меня, начиная от санузла и заканчивая оградкой.

Конечно, контраст с ветхостью дома, но умность входит в пакет минимальных социальных услуг, предоставляемых бесплатно всему населению: это оказалось экономически выгоднее, чем держать армии сантехников, электриков, помощников по хозяйству, санитарок и сиделок за престарелыми.

В комнате жарко, кондишен еще не вырублен за неуплату, но работает в минимальном режиме: совсем отключать нельзя, социальные службы не позволяют повредить здоровью члена общества.

Я с порога сбросил кроссовки, на середине комнаты стянул через голову рубашку и отшвырнул на спинку стула. Хотел избавиться еще и от джинсов, но одна рука уже потянулась к дверце холодильника, другая поспешно цапнула запотевшую бутылку пива.

Плюхнувшись на диван, поспешно откупорил и припал к горлышку, а холодный эликсир жизни мигом охладил раскаленную пасть и понесся бурной струей горного водопада спасать разжаренную летним зноем глотку.

Телестена напротив дивана вспыхнула всеми красками, заканчивается второй тайм, пылесос пискнул и поспешил убраться с дороги, прячась под стульями, а холодильник сказал наглым голосом:

– Заканчиваются яблочный и персиковый соки. Какой заказать?

– Оба, – ответил я.

– В какой фирме?

– Ты умный, – огрызнулся я, – ты и решай.

Холодильник недовольно хрюкнул, отрубился, сейчас, знаю, сыплет заказами. Кроме соков, которые можно выбирать, распоряжается и насчет того, что положено по дефолту: хлеб, молоко, творог, сыр, рыба, оливковое масло...

Оливковое масло, кстати, есть в бутылках под старину в сарайчике, который дед гордо называл хозблоком. Там все настолько допотопно, что закрывается на простой замок с простыми ключами: в те дикие времена еще не существовало видеокамер и услужливого программного обеспечения.

Я отыскал в дальнем ящике колечко с двумя ключиками, все из сверхпрочного пластика, потому почти невесомы, сунул в задний карман джинсов и тут же забыл, что собирался делать, потому что на экране Власко Песко вдул Хауните с разбега в левый угол ворот, и это за три минуты до финального свиста...

– Блин, – вырвалось у меня, – да что же делается...

На большом табло прямо над телеэкраном торжественно и зловеще мигают цифры: 27 часов, 14 минут, 27 секунд... 27 часов, 14 минут, 26 секунд... 27 часов, 14 минут, 25 секунд... 27 часов, 14 минут, 24 секунды...

Я потерял ладони. Завтра вечером начинается чемпионат мира по футболу, самое долгожданное событие для всего прогрессивного человечества, а остальное пусть идет в задницу...

За спиной раздался странный звук, словно пискнула стиральная машина. Я успел увидеть в отражении монитора радужные пятна на стене за моей спиной, скорее удивился, чем испугался в нашем опасно безопасном мире.

На голой стене из ярко-красной, почти пурпурной точки медленно расходятся кругами цветные волны, начиная с оранжевой, затем желтой, зеленой и так до фиолетовой, а та уже едва различима и пропадает без следа, не добравшись до других стен, потолка или пола, а вот в центре камень просто горит...

Запах странный, словно я в школьном кабинете химии. Осторожно пощупал стену, цветные волны пробежали и по тыльной стороне ладони. Вроде бы все цело, дом еще не разваливается...

Кончики пальцев вошли в монолит стены с такой же легкостью, словно это поверхность озера, вставшего дыбом.

Охнув, я сунул туда руку, чувствую ее на той стороне, там кухня, ничего не поймал, хотя помню, на крючках висят половники, ножи и большие ножницы.

Чувствуя себя ошалело, я сунулся всем телом. На миг перед глазами стало молочно-бело, стена вообще-то не каменная, а с какими-то наполнителями для сохранения тепла, но через мгновение дико яркий свет, немыслимый для моей кухни...

Подошва опустилась не на кафельную плитку, а на мягкое, вроде толстого ковра, что накрывает упавшее на пол пальто. Нога подвернулась, я упал, скатился по зеленой траве, откуда она взялась, меня распластало в выемке между двумя невысокими пригорками.

Ошалелый, я так и остался, страхась сдвинуться и не понимая, что стряслось и где я. Трава ярко-зеленая, сочная, прямо перед глазами по травинке ползет вверх ярко раскрашенная букашка, то ли в самом деле ядовитая, то ли хитро пугает, на верхушке потопталась, но дальше ползти некуда, и, приподняв жесткие надкрылья, выпустила тончайшие ажурные крылышки, сорвалась с места таким стремительным рывком, как ее только не разорвало ускорение...

А под травинкой пробежал муравей, огненно-красный, только крупная голова похожа на капельку солнца, такая же ярко-оранжевая, даже светится, остановился и деловито пощупал сжжками медленно ползущую навстречу тлю.

Тля отказалась общаться, тогда он ухватил ее нежно и быстро занес вверх на листок, где уже пасется с десяток таких же полупрозрачных пузырей, посадил рядом и умчался, быстрый и стремительный, какими могут быть существа только в их мире ничтожной гравитации.

В черепе все еще звон, в виски остро стреляет боль, но все медленнее и тише, я перевел дыхание, медленно поднялся на колени, затем во весь рост.

Глава 2

Зеленая равнина с одной стороны, с другой – могучий и почти картинный лес. Такие мощные дубы с наплывами на стволах и толстыми покрученными ветвями, что могут укрыть от дождя или солнца туристов в тысячу лбов, видел только на полотнах ископаемых художников, ну там Веласкеса, Репина, Грибоедова... хотя Грибоедов вроде не художник, а какой-то химик...

Рядом пригорок, до холма не дотягивает, но с него обзор шире, меня продолжает встряхивать, но теперь уже от дикого непонимания того, что стряслось.

За спиной первобытный лес, впереди необъятная долина, только вдали на грани видимости белеет высокое здание, похожее на средневековый замок, но откуда замок, наверняка церковь, в последнее время их возводят всюду, и не потому, что кому-то нужны, а чтобы поспеть за строительством мечетей...

Сверкающую зелень долины пересекает прямая, как стрела, дорога, я не успел всмотреться в нее, что-то там не так, как показались скачущие всадники.

И хотя коней разводить сейчас модно, но эти скачущие – не модные тусовщики, все в добротных доспехах из кожи, тускло поблескивающей желтизной, почти у всех головы укрыты шлемами, у передних в руках по знамени, у остальных копья с блестящими наконечниками.

У того, что вырвался малость вперед, шлем вообще сплошной, только для глаз узкая щель, это в такую-то жару, сколько же на свете этих идиотов, задолбали своими косплеями...

Сейчас, когда из-за успехов хай-тека все больше народа остается без работы, но на нехилом пособии, многие от дури начали увлекаться этими, так называемыми историческими, реконструкциями. Судя по ним, мы выиграли абсолютно все битвы, в которых участвовали, а также и те, в которых теоретически могли участвовать наши далекие и, конечно же, величайшие предки.

Косплеями меня забодал мой друг Макс Аянлай, он участвует во всех реконструкциях исторических битв, от скифских до наполеоновских, только о них и говорит, уже и я запомнил все конские масти, всю упряжь, которую эти сумасшедшие косплеисты шьют сами на свои деньги, знают все способы подковывания коней, все виды седел и стремян и прочую-прочую хрень, о которой эти чокнутые могут говорить без умолку хоть целый вечер, хоть год.

Трое всадников, заметив меня, круто развернули коней и ринулись в мою сторону во весь опор, бахвалясь умением управляться с этими нервными животными.

Один обернулся на скаку и прокричал своему старшему:

– Господин!.. Еще один бегляк из каменоломни!

Всадник, на морде которого сплошной, или как там они называются, шлем, крикнул издали:

– Багля! Ты что, совсем дурак? Заковать и вернуть! Там разберутся.

Через минуту меня окружили храпящие конские морды, над моим плечом нависла длинная массивная морда с красиво вырезанными ноздрями, на длинном узком лбу тонкими ремешками закреплен налобник из медной пластины.

Всадники рассматривали кто с веселым любопытством, кто равнодушно, больше переговаривались между собой. Страх все глубже влезает мне под кожу, эти люди... не те, которых я вижу каждый день. Дело не в костюмах, лица грубые, дикие, будто в самом деле всю жизнь видят только коней и друг друга.

Один предположил с неуверенностью:

– Этот не из каменоломни.

– Почему, – возразил второй, – смотри, как солнышко поджарило! Багля, ты чего?

– Кожа чистая, – возразил первый, который Багля. – Ты видел рабов без следа от плети?

Второй пожал плечами. Я настороженно помалкивал: что-то здесь не то, как это меня так далеко и чем именно зашвырнуло, вроде бы косплей, но и не косплей, чересчур морды простые, пахнет чистыми от культуры и загрязнения Средними веками...

Один соскочил на землю, умело связал мне руки заранее приготовленным ремнем, словно и рассчитывал меня здесь найти. Или не меня, им без разницы.

– Ладно, – сказал он бодро, – пусть не из каменоломни. Не наше дело.

– Почему не наше? – возразил Багря. – Нам велели ловить...

– Это не из беглых, – сказал его сосед, – хотя... какая нам разница? Пусть там на месте и разбираются.

– Ребята, – сказал я подрагивающим голосом, – не переигрывайте. Вы, конечно, молодцы, но я посторонний, в ваших играх не участвую.

Один сказал весело:

– Молодец, не паникует.

– А как здесь оказался? – спросил второй.

Я ответил сдавленным голосом:

– Сам не знаю. Голова еще гудит, будто дубиной получил... Думаю, это штучки того НИИ, что в прошлую неделю вырубил свет во всем районе... Кваркоген получают, а заодно черную дыру сотворят...

Уже не слушали, толкнули в спину. Я сделал несколько шагов, чтобы не упасть. Связанные руки с силой потянуло вперед, и я обнаружил, что к ним привязана еще и длинная веревка, другой конец закреплен на крюке седла первого всадника.

Остальные помчались вперед. Я бежал сзади, покрываясь потом и пылью от конских копыт, и клялся себе, что накатаю такую жалобу, что этих косплеистов вообще уберут из нашего района.

Конь идет рысью, как я понимаю, будь это галоп, меня бы тащило мордой по земле. Широкие копыта бросают комья земли в мою сторону, я стиснул челюсти и терпел, только добраться до их старшего, все разнесу...

Небо синее, ни одного облачка, чистое солнышко, да куда же меня забросил этот чертов коллайдер, в далекой выси неспешно плывут, медленно взмахивая крыльями, огромные птицы.

Пока что ничего крупнее орлов не видел, но эти впятеро крупнее, лапы поджаты к белесому пузу, шеи вытянуты, головы обтекаемо устремлены вперед. Клювы длинные и острые, а я знаю, что, когда журавли дерутся с орлами, побеждают журавли, а сейчас в небе еще те журавли, всем журавлям журавли, такие и льва проткнут насквозь.

Чертовы генетики, мелькнула злая мысль, так вот еще и динозавров навосстанавливают, как грозятся, вообще хоть не живи, динозавры точно будут под защитой, а мы – как получится...

Непонятная дрожь прошла по телу, я заспотыкался и едва не упал: впереди чуть слева из-за горизонта поднимается... солнце! Странно маленькое и с непонятным бирюзовым оттенком, что-то в атмосфере наши умники распылили, что с погодой экспериментируют...

Яркие лучи ударили пронзительно ярко, от всадника впереди и его коня возникла вторая тень, длинная и полупрозрачная, быстро укорачивается...

Я страшился оглянуться, первое солнце продолжает жечь голую спину, а это, что вылезло... ну никак не может быть солнцем, это какой-то эксперимент, о котором то ли не сообщили, то ли я пропустил новость.

Впереди появилась и начала приближаться башенка из бревен, с виду старых, это ж какие деньги надо затратить, чтобы состарить даже бревна для правдоподобия, лучше бы мне заборчик вокруг участка заменили, а то в прошлую ночь лось бродил у дома и наслал перед дверью...

За башней наметился край обрыва, а другая сторона этого ущелья или что это такое, за километр, если не дальше.

По мере того как приближаемся, стены ущелья опускались все ниже, а когда оказались у башни, я охнул и невольно сделал шагок назад, натягивая веревку.

От ног уходит вниз огромный котлован, похожий на кратер, выбитый огромным метеоритом в каменной горе. По стенам идут вниз сужающиеся кольца дороги, и на всех уровнях сотни полуголых мужчин мерно орудуют кирками.

– Размах... – прошептал я.

Всадник, отвязывая веревку от седла, оглянулся.

– Раньше такого не зрел? Значит, я прав, ты не отсюда... Из армии мятежного принца?

Я буркнул:

– Что мне принцы, я сам принц.

Он хохотнул, из сторожки вышел воин в настоящей медной кирасе, хотя остальные доспехи из простой кожи, зыркнул в нашу сторону, но пошел к краю котлована и заглянул вниз.

– Эй, Мегард! – донесся до нас его злой крик. – Мегард!.. Да, тебе говорю. Давай быстро наверх!

Ждать пришлось недолго, из котлована поднялся потный и покрытый пылью и мраморной крошкой могучий мужик. Голый до пояса, как и я, но с отвисающим брюхом. На поясе позвякивают огромные амбарные ключи, в лапище зажата рукоять витой плети из сыромятного ремня.

Воин в кирасе сказал властно:

– Принимай!

Мужик оглядел меня хмуро и со злобным разочарованием.

– Это не наш...

Всадник, который приволок меня, посоветовал с высоты седла:

– Присмотрись лучше.

– Да ты и сам видишь, – возразил мужик.

– Мало ли что вижу, – сказал всадник покровительственно. – Не тащить же его на суд?

Мегард пробурчал:

– Ну да, там просто повесят. Ладно, беру.

Всадник сказал бодро:

– Вот и прекрасно. Лови!

Он бросил ему конец веревки, развернул коня и унесся, а мужик посмотрел на меня уже как хозяин на свое животное.

– Меня зовут Мегард, – сказал он без приязни. – Я старший надсмотрщик на мраморе. Тебе повезло, парень. Кормят два раза в сутки, а убивают только дураков, что пытаются сбежать. Пойдем!

За деревянной башней небольшая вышка, от нее над краем котлована нависает пролет моста из свежеструганного дерева. Навстречу вышли двое рослых воинов, оба в легких кожаных доспехах, ноги от бедер и до башмаков голые, в сторонке блещут на солнце в пыльной траве их шлемы, длинные волосы треплет ветер.

– Еще один? – спросил страж. – Э-э, да этот не отсюда?

Мегард буркнул:

– Считай, его сюда направили.

– Да нам все равно, – ответил страж.

Он взял меня крепко за плечо, Мегард с другой стороны, молча проволокли по мостику почти до конца, второй страж начал деловито тащить на себя снизу толстую веревку.

В поле зрения появилась небольшая платформа с плетеными из толстых прутьев стенками. Мегард грубо ухватил меня и впихнул вовнутрь, сам встал следом, крепко ухватившись за веревку над головой.

Платформа закачалась в воздухе, пришлось тоже ухватиться связанными руками, пальцы все-таки свободны. Стена котлована опасно быстро заскользила вверх. Мегард заворчал, но падение замедлилось, а ударила корзина о дно почти нежно.

Мегард вытащил из ножен короткий широкий кинжал, я уже все понял, протянул ему связанные руки.

Разрезал веревку он ловко, умело, сказал почти благодушно:

– Я покажу, где рубить, а лежбище покажут другие.

– Чего рубить? – спросил я.

Он оглядел меня с удивлением:

– Чего тебя трясет, как лист на ветру? Такой здоровый лось, вон какие мышцы, а побелел аж... Камень рубить, понятно же.

Пока он вел меня по каменоломне, я чувствовал, что в самом деле всего трясет. Непохоже на косплеи, они ж там все выпендрены, каждый норовит играть принца или хотя бы герцога, подавай красивые доспехи и такие мечи, каких в реале не было, а чтоб несколько сот человек загнать в брошенную каменоломню древних времен и чтоб те энтузиасты согласились лупить под палящим солнцем кирками по камню, глотая пыль...

Копошится совсем дикая мысль: горе-эспериментаторы пробили дыру во времени, и меня зашвырнуло в древность. Хотя непонятно, почему понимаю их язык и сам говорю без всяких усилий.

Мегард толкнул в спину в направлении неглубокой ниши, где разлеглась увесистая с виду кирка с отполированной десятками мозолистых ладоней длинной рукоятью.

– Твое место. Работай. Будешь лениться – останешься без ужина. Лучше и не пробуй.

Он смотрел, как я взял кирку, вдали раздался крик боли, он развернулся и, заранее начиная гневно взрыкивать, пошел в ту сторону.

Вместо него приблизился крепкий, бородатый до самых глаз мужик, спросил негромко:

– Камень ломал?

– Нет, – ответил я.

– Давай покажу, – сказал он деловито, – а то либо завалит, либо сам себе ногу отобьешь. Меня зовут Мэтью, я здесь старший.

– Спасибо, – сказал я. – Я вообще-то никогда камень не ломал.

Он хмыкнул:

– Думаешь, мы здесь родились? Смотри, кирку держишь вот так, а то по ноге долбанешь. Это если промахнешься или рука дрогнет, а бьешь вот так, по линии.

Я ударил, как он показал, еще и еще, он поглядывал сбоку, наконец проговорил с удовлетворением:

– Учишься быстро. А то присылают таких олухов! Учи не учи, а они только кирками по ногам. Хорошо бы только по своим...

– Это мрамор? – спросил я.

Он сказал с великолепным презрением:

– Теперь мрамором что только не называют! Тот же известняк, к примеру. А что, известняк тоже прекрасно полируется... Для дураков и серпентинит тот же мрамор, дураки... Настоящий белый мрамор, он не просто белый, понимаешь?

– Нет, – сказал я честно.

– Если смотреть на свет, – пояснил он, – плита даже в пятнадцать дюймов будет просвечивать насквозь!

– Ого, – сказал я озадаченно, – а я видел только пестрый, с разводами.

– Это примеси, – пояснил он. – Это они создают внутри камня жилки и разбрасывают всякие пятнышки...

– Красивые, – сказал я.

– Красивые, – согласился он. – А какие узоры получаются! Просто чудо. Ты молодец, замечаешь красоту. А все видят только камень. Это не простой камень! Это – мрамор.

– Тогда здесь настоящий, – сказал я. – Портить его жалко.

– Вот и не порти, – ответил он и, повернувшись, пошел вдоль цепочки работающих тяжелыми кирками.

Глава 3

Остаток дня я осторожно бил острием тяжелой кирки по линии, процарапанной поперек массивного мраморного блока, и поглядывал на таких же, что с кирками в руках. Крохотные крошки вылетают из-под металлического острия, словно каменные мошки, надсмотрщик подходил несколько раз, недовольно хмыкал, пару раз демонстративно поиграл перед моим носом плетью, но пока еще не огрел: работаю пусть и медленнее других, но это же первый день, понимает.

Во время работы приблизился еще один, прокаленный солнцем до черноты, высохший, почти старый, таким уже не до косплеев, зыркнул на меня с сомнением.

– Крепкий малый. Не голодают в вашей деревне, сразу видно. И развит неплохо.

Голос его прозвучал хрипло и скрипуче, словно горло пересохло, а воды нет.

– Качался, – ответил я осторожно, – в нашей деревеньке, кто не качается, тот и не человек...

Он посмотрел озадаченно:

– Это как, с боку на бок?

– Да, – подтвердил я. – Чтобы мускулы нарастить.

Он буркнул:

– Здесь они тебе пригодятся. Давай руби, а то Мегард уже поглядывает...

Остальные заключенные на меня почти не обратили внимания, большинство уже тощие, изможденные, со свежими следами от плети. У многих из одежды только набедренные повязки, я единственный, у кого штаны еще целые, и чуть ли не единственный без красных полос на спине.

Когда продолбил дырку в три пальца глубиной, подошел молодой парень в изорванной рубашке и таких же изорванных штанах, сказал деловито:

– Я свою уже отколол, помоги тащить.

Я опустил кирку.

– Так надо?

– Конечно, – ответил он. – Думаешь, таскают в одиночку?

Я кивнул, отколота плита в самом деле впечатляет, парень подал край толстой веревки.

– Завяжи с той стороны. Тебя как зовут? Я – Вуди.

– Евгений, то есть Юджин, – сказал я, – сын кузнеца. В общем, Смитсон.

– Потасили, – ответил он. – Юджин, сын кузнеца.

Когда оказались рядом, задевая друг друга плечами, он спросил шепотом:

– Ты из армии принца?

Я ответил так же тихо:

– Какого принца?

Он быстро оглянулся по сторонам.

– Ладно, не говори, если нельзя. Но хоть какие-то новости?... А то мы тут, как понимаешь, отколотые камешки в яме.

Я сказал совсем тихо:

– Я из леса. Дальнего. Дремучего. Мы вообще не знали, что на свете еще люди.

Он смерил меня цепким взглядом:

– Судя по твоим непонятным штанам, в самом деле только что вышел оттуда. Ладно, потасили, а то гад уже смотрит в нашу сторону. Если возьмет плеть и сделает шаг, уже не станет возвращаться!

Плиту мы кое-как оттащили на площадку, где их поднимают наверх, надсмотрщик не дал нам отдышаться и снова погнал обратно.

Я взял кирку, с каждым взмахом эта штука все тяжелее, в мышцах уже горячо, молочная кислота постепенно пропитывает каждую клеточку, это не гантелями махать...

Руки налились нехорошей тяжестью, я тяжело дышал, со лба срываются крупные капли мутного пота, а совсем близко прогремел зычный голос рыжебородого мужика, он все поглядывал на солнце, шурясь и закрывая глаза ладонью:

– Зеленое!.. Сейчас вылезет зеленое!..

Заключенные всполошились, кто-то выронил кирку, та со звоном скатилась в расщелину, все вскинули головы.

Надсмотрщик заорал:

– Что такое?.. Кто бросил работу?.. Бунт?

Он выдернул из-за пояса плетень и ринулся в нашу сторону, огромный и лютый, переполненный праведным гневом на лодырей, из-за которых достается и ему.

Рыжебородый прокричал ему навстречу:

– Зеленое сейчас выйдет!.. Все в укрытие!

Надсмотрщик рявкнул:

– С какой стати, оно всего неделю тому...

– Да посмотри сам, – крикнул Вуди.

Надсмотрщик поднял голову, с его бычьей шеей это непросто, но впери́л взгляд свиных глаз не в зенит, а в край котлована, где верх начал быстро окрашиваться в ярко-зеленый цвет.

– Всем в укрытие! – заорал он и со всего размаха хлестнул по чьей-то спине. – Чего стоишь на дороге? Прячься!

И сам ринулся с несвойственной ему прытью под защиту нависающих скал.

Я все еще топтался с раскрытым ртом, как меня грубо ухватил за руку Мэтью, дернул на себя и затащил под навес из камня.

– Ты что за дурак?

– Я ж не знал, – промямлил я. – У нас в лесу...

Он прервал зло:

– Да знаю, у вас в лесу одни дураки!.. Но здесь под зеленое лучше не попадаться. Впервые слышишь?

– Впервые, – ответил я честно.

– Эх, – сказал он с досадой, – и где только такие дурни живут? Мне бы туда, что ли...

Дрожь прокатилась по моему телу, я стиснул челюсти и сжал кулаки так, что ногти впились в кожу. Верх противоположного края котлована вспыхнул зеленым огнем, тут же блистающая изумрудная волна побежала по стене вниз.

Я слышал голоса, заключенные вроде бы все в укрытиях, а зеленый огонь опустился на дно, пробежал по камням, мне даже почудилось, что они плавятся, как при страшном жаре, но нет, все на месте, а зеленая волна помчалась к нам.

– Подтяни ноги, – велел Мэтью.

Я пугливо поджался, солнце по небу движется с непривычной для меня скоростью, странное тепло охватило щиколотки, добралось до голени, я не успел вскрикнуть в ужасе, как заметил, что на той стороне котлована быстро опускается темная тень.

Мэтью шумно перевел дыхание, на его лице проступило любопытство.

– Ну как?

– Что?

– Солнце, – сказал он, – говорят, как будто огненные муравьи бегают и кусают.

– Нет, – ответил я. – Просто тепло. Словно окунул ноги в теплую воду. Да и то ненадолго.

– Пронесет, – сказал он, но я не уловил в его голосе уверенности. – Это ничего. То ли дело попасться, когда три луны...

Договорить он не успел, послышался зычный крик надсмотрщика:

– Заснули? Все на работу!.. Быстро, быстро!

Донесся смачный шлепок, кто-то болезненно вскрикнул. Мэтью внезапно остановился, словно его дернули сзади, покрутил головой:

– Опять...

В голосе было столько досады, что я испуганно покрутил головой по сторонам.

– Что? Где?.. Вроде ничего...

– Мрамор, – сказал он мрачно. – Посмотри.

Рядом кто-то раньше меня понял, в чем дело, ругнулся. Я тоже посмотрел, но ничего не понял, мрамор как мрамор, слегка розовый, иногда с зелеными прожилками, что делает его похожим на малахит, но ничего необычного.

– А-а, – сказал я с потрясением всего моего существа, – зеленое солнце поменяло мрамору цвет?

– Вот-вот, – прорычал он. – А с такими разводами он не такой ценный.

За его спиной Вуди сказал сердито:

– Все одно ломать по две плиты в сутки!.. Какая разница?

Мэтью буркнул:

– Разница есть, но не для вас. Ладно, работаем!

И хотя опустили меня в каменоломню чуть ли не под вечер, но остаток рабочего дня тянулся и тянулся. Я едва удерживал выскальзывающую из потных ладоней кирку, удары все слабее, но если промахнусь и попаду себе по голени, удар точно слабым не покажется.

Когда прозвучал басовитый сигнал отбоя, я едва дышал и почти не стоял на дрожащих ногах. Вуди подхватил под руку и отвел к жалкому костру, где на углях поджаривают ломти мяса. Там же огромный котел, пахнет отвратительно, но в желудке требовательно квакнуло.

Вуди налил в глиняную миску горячей похлебки, сунул деревянную ложку.

– Ешь, но не разбей миску! Иначе за новую либо сутки без еды, либо проработаешь еще и ночь, пока другие спят.

– Не разобью, – пообещал я.

Пока ел, присматривался к остальным. Две трети точно уголовники, что-то у таких людей общее, но остальные могут быть в самом деле мятежниками, что за «правду и свободу». Как, к примеру, этот же Вуди. Хотя не у всех же на лицах написано, что ломбрововцы. Могут быть с виду и херувимчиками.

Из тихих разговоров понял, что где-то в лесах скрывается целая армия повстанцев. Они намерены свергнуть с трона нынешнюю злобную власть и восстановить во всем королевстве справедливость. Вроде бы во многих землях лорды сочувствуют принцу, потому правительственные войска никогда не могут отыскать его лагерь. Однажды мятежные герои захватят город и освободят всех заключенных.

Один из заключенных, могучий мужик с широкой лысиной и короткой бородкой, прорычал зло:

– Это им не по зубам.

– По зубам, – ответил Вуди. – Керга, не падай духом.

Мужик покачал головой:

– Не по зубам. А жаль...

Вуди заметил, что я слушаю очень внимательно, понимающе улыбнулся, но смолчал.

Ко мне подсел лохматый рыжий мужик, отвратительно бодрый, словно спал, пока мы работали, огляделся воровато и сказал свистящим шепотом:

– Кстати, о зубах. Есть зуб молодого дракона! Представляешь? Правда, поискрошилс чуть, но для колдуна самое то! Уступлю недорого... Не нужен? Есть травка...

Я спросил заинтересованно:

– Правда?.. Продаешь или по дружбе...

Он посмотрел с подозрением.

– Ты даже не спросил какая.

– Ой, – сказал я, – действительно... ладно, пока не надо. Не до травки.

Он сказал понимающе:

– Осмотреться хочешь? Правильно. Прежде чем, нужно сперва. А не потом, как у нас...

Издали донесся зычный голос Мегарда:

– Кончай разгуливать!.. Кто там чужие кирки перебирает? Всем спать, утром буду будить плетью!

Я посмотрел на спину Вуди со свежей красной полосой, чуточку взбухшей, поспешно лег, стараясь понять, что же случилось и как отсюда выбираться.

Рядом зашуршали камешки, возле меня присел, прижавшись к стене так, что утонул в тени, тот самый рыжебородый, оглядел меня с любопытством.

– Тяжело? Ничего, это первый день. Потом пойдет легче. Вообще-то здесь неплохо!.. А что, зато здесь кто достанет? Ну, знаешь ли, всякое бывает... Когда за тобой по пятам отряд в сорок человек и все жаждут прибить сразу, не задавая вопросов, то лучше нырнуть в камеломню, чем взлететь на дерево с веревкой на шее. Это в лучшем случае. А то у некоторых варваров есть странная забава насчет привязывания за ноги к нагнутым верхушкам деревьев...

– Бр-р-р, – сказал я, слишком отчетливо вообразив, как это происходит, и даже потрогав место, откуда начинается разделение на две половинки, будто человек амеба какая-то.

– Вот-вот, – сказал он. – Мне такое никогда не нравилось. Хотя, конечно, пару раз попробовал с другими, но незрелищно. А вот когда на кол, так куда смешнее!

– Веселый ты человек, – согласился я.

– Так вся жизнь веселая, – сказал он убежденно. – Обхохочешься! Когда думаешь выбираться?.. Кстати, меня зовут Фицрой Фирестоун.

Я ответил настороженно:

– Юджин, сын кузнеца. Ты же сам сказал, здесь прекрасно!

– На время, – пояснил он. – Мне и в королевском дворце через неделю станет скучно, а здесь уже вторая неделя! А ты из тех, кто тут не останется, у меня глаз наметанный.

– Понимаешь, – сказал я осторожно, – я варвар из варваров. Из самых дальних. Для меня здесь все в диковинку. Если выбираться, то надо бы знать, куда...

– Умно, – согласился он и взглянул на меня в великом удивлении. – А ты что, умный?.. Ну ты даешь. Я думал, ты только секирой умеешь... У тебя секира какая?

– Нет у меня секиры.

Он охнул, округлил глаза.

– Какой же ты варвар? Варвары только с секирами!.. Гарнийцы с мечами, уламы с копьями, у кельмов дротики, а пиксы дерутся палицами.

– Нас, – сказал я веско, – варваров, много. За теми варварами, что ты знаешь, еще варвары, а за теми еще и еще. Я оттуда. Где еще варварее.

Он протянул:

– Тогда ты совсем дикий... Не покусает? Ладно, начинаем думать, как выбраться.

Глава 4

Ночь показалась кошмаром, хотя тряпок, заменяющих постель, достаточно. Вуди объяснил деловито, что с умерших снимают все, а мрут тут часто, так что спать есть на чем.

Я заснул, как провалился в пропасть, а очнулся только от толчков и настойчивого голоса Вуди:

– Вставай! Тебе только плети доставало. Такой здоровенный, а еле дышишь.

Ноги подрагивали, когда я поднялся и взялся за кирку. Надсмотрщик смерил меня недобрым взглядом, сунул плеть за пояс и отвернулся.

Я долбил и долбил, старательно распределяя силы, чтобы не свалиться еще до обеда. Стараясь, чтобы не видели остальные, то и дело поглядывал на голубовато-зеленое небо, откуда мощно светят два солнца: оранжевое и земное.

Никак не привыкну, что их два и что оранжевое покрупнее, а зеленое помельче, пугает и то, что за мной когда таскаются две тени, в другой раз и одной не вижу.

Возникают совсем дикие смещения времени и пространства, это когда некая волна проходит через каменоломню, стены сдвигаются, выглядят иначе, но все привыкли, такие пустяки не волнуют ни заключенных, ни стражников, только я ахаю, когда камень меняет цвет, а то и даже прожилки вдруг бегут в другие стороны, хотя вроде бы должны застыть миллиарды лет тому.

Вуди присматривал за мной, я уже едва поднимал кирку, когда он крикнул:

– Юджин, иди сюда!..

Он стоял возле Мэтью, оба рассматривают огромную глыбу отколотого мрамора, Мэтью сунул мне моток веревки.

– Обвяжи с той стороны.

Вуди шепнул:

– Пока тащим, малость отдохнешь.

– Ничего себе отдых, – пробормотал я.

– Еще не почувствовал?

Тащить в самом деле легче, чем долбить, время от времени останавливаемся, переводим дух, а когда доставили глыбу на место и двинулись обратно, я спросил:

– А почему не раскалывать мрамор колышками?

Вуди удивился:

– Это как?

– Если просто отколоть, – пояснил я, – то вон в те крохотные трещинки вбить колышки и поливать водой. А где плита слишком огромная и откалывать хорошо бы поровнее, то просверлить дырочки по линии, вбить те же колышки и точно так же поливать водой.

Вуди спросил недоверчиво:

– Зачем?

– Как зачем? – спросил я. – Колышки разбухнут и отломают от мраморной плиты блок того размера, как нам и надо!

Он поморщился:

– Парень, тебе солнце перегрело голову. Чтоб крохотные деревяшки разорвали каменную плиту? Или это какое-то колдовство? Мэтью, ты слышал?

Тот пожал на ходу плечами:

– Я с колдовством дела не имел.

– Да какое колдовство, – сказал я с тоской, – это же так просто... Неужели здесь так не делают?

Они переглянулись, Мэтью покачал головой:

- Впервые слышу.
- Так сделай, – предложил я.
- Ну вот еще! Чтоб смотрели как на дурака?

Мы разобрали на своих местах кирпичи, надсмотрщик перестал сверлить нас мрачным взглядом, тем более в дальнем конце послышались крик, звон металла, он выхватил из-за пояса плетень и побежал в ту сторону.

Я сказал тихонько:

- А если ночью? Когда все спать будут?

– Так и нам же спать надо, – напомнил Вуди, а Мэтью просто помолчал, отдыхая, пока надсмотрщик занят другими.

– Ну половину ночи не поспим, – сказал я, – зато потом сразу! Разве ты не хочешь много и сразу?

Вуди хмыкнул:

- А кто не хочет много и сразу? Только похочет да перехочет. Ничего не получится.

- Получится! – заверил я. – Ну давай попробуем! Давай. Вот увидишь...

Остаток дня дорабатывал с таким трудом, что уже и не надеялся дожить до завтра, однако, когда басовито прогудел гонг, я чувствовал, что пока еще могу не только держаться на ногах, но и ворочать языком.

Заключенные перед тяжким сном шептались о светлом дне, когда войска принца опрокинут армию, а он сядет на свой законный трон. И тогда все заключенные выйдут отсюда, а ломать камень сбросят в яму всех вельмож, всех придворных...

Я спросил у Вуди шепотом:

- А велика у принца армия?

– Она растет, – ответил он обнадеживающе. – Все больше героев вливаются в ее ряды. Скоро-скоро принц поведет на штурм столицы и захватит дворец.

- Скорее бы, – пробормотал я, – а то и не доживем.

– У нас главное, – сообщил он трезво, – дожить до вечера. Сегодня дожили, слышал гонг? Это отбой. Сейчас поедим и спать...

Я не успел ответить, дыхание застряло в груди. Из-за края земли высунулось и начало подниматься нечто исполинское, чудовищное, словно мы на спутнике Юпитера, а он сам вот прямо перед нами, уже заняло почти треть неба и все еще продолжает подниматься.

Вуди проследил за моим взглядом, лицо его стало очень удивленным, брови приподнялись.

- Ты что? – спросил он с подозрением. – Впервые видишь луну?

Я пробормотал дрожащим голосом:

- А чего такая... увесистая.

Он выпятил нижнюю губу.

- Ты вообще какой-то странный.

– Дык я ж из леса, – ответил я испуганно. – У нас знаешь какие деревья? Ветки раскинут, ни одна капля дождя не прорвется!.. А выше них еще деревья. А есть, говорят, те, что и над теми простирают ветви, так что какая луна, мы и солнце не видели.

Он в изумлении покрутил головой:

– До чего же мир велик и какие люди бывают дикие!.. Иди поешь и сразу спать, а то завтра вообще рухнешь воронам на радость.

От котла уже смачно пахнет бараньей похлебкой, никогда не думал, что все так вкусно. К счастью, тут можно и второй раз протянуть миску, даже третий, все равно нальют. Тут лишают ужина только в наказание, а так кормят сытно, на тяжелой работе нужно и кормиться как следует.

На камни пал странный свет. Я старался не поворачивать голову, сперва нужно нажраться, а потом скосил глаза на красноватую тень под ногами, это закатная, понимаю, но от моих ног тянется еще и зеленоватая...

Вздрыгнул, чуть суп не расплескал, лучше бы не смотрел: в небе уже две луны! Одна – та огромная, сейчас пугающе красная, а из-за горизонта быстро поднимается еще одна, маленькая, фиолетовая, словно вся из драгоценного сапфира, а свет от нее яркий, словно не отраженный, а собственный.

Я пару раз моргнул, убирая пелену с глаз, не помогло, торопливо протер кулаками. Так и есть, теперь от всех камней падают по две призрачно-светлые тени, и если багровая замерла в ожидании, то сиреневая медленно укорачивается, словно подкрадывается ближе и ближе...

Вуди открыл глаза, спросил сонным голосом:

– Чего не спишь?

– Вторая луна, – проговорил я вздрагивающим голосом.

– И что? – спросил он.

– Да как-то, – ответил я осторожно, – не по себе.

Он хмыкнул:

– Да? Тогда тебе, если такой чувствительный, вообще нужно сперва посмотреть на небо, прежде чем выйти из-под укрытия. А дома ты как... ах да, у вас же и неба не видно.

– А что, – спросил я, – когда их две?

Он пробормотал:

– Две луны еще ничего. У самых чувствительных, говорят, кожа чешется, когда вот так обе. Да еще важно, говорят, когда красная ближе, чем та, медная... Не знаю, я не чувствительный. Врут, наверное. Но вот когда три...

Я охнул:

– Что? Три луны?

Он чуть кивнул:

– Это бывает редко. Даже очень. Совсем редко. Хотя, конечно, когда на небе все три, лучше зарыться в нору, зажмуриться и переждать. Некоторые... ну, не выдерживают.

Я спросил с дрожью:

– Как?

– Не выдерживают, – повторил он. – С ними случается... разное. А еще иногда бывает такое, это уже совсем редко, когда на небе ни одной.

– Ого!

Он сказал наставительно:

– Вот тебе и «ого». Полная чернота, мы же к ней не привыкли. Все прячутся в дома и запираются, как и чем могут. В это время, сам понимаешь, совсем другая жизнь, другие законы, нам лучше не высовываться...

Я спросил довольно глупо:

– Почему?

– Иная Жизнь, – повторил он раздельно.

– А выйти посмотреть? – спросил я.

– Жизнь дороже, – ответил он равнодушно и протяжно зевнул. – Нужно только дожидаться утра. Когда восходит солнце, мир снова наш. Целиком!.. В общем, спи, я сказал! А то утром вообще не поднимешься.

Услышав наши тихие разговоры, поближе перебрался Фицрой, не спится, смотрится бодрым, словно и не ломал камень, предложил Вуди зуб дракона, а когда тот с отвращением отказался, встрял в разговор и живо начал посвящать дурака-варвара в местные реалии.

Солнце обычно светит большое оранжевое, и все под ним живут и радуются. Иногда появляется и белое, но оно мелкое, по небу проносится как скачущий конь, пользы от него

мало, как и вреда, а вот совсем редко и тоже ненадолго показывается зеленое... оно поменьше, но злое, от него всякие болезни. К счастью, шустрое, из-за края земли почти выпрыгивает, как трусливый заяц, быстро проносится по небу и надолго прячется на другой стороне, чтобы через несколько недель выпрыгнуть снова.

Чаще всего оно появляется в то время, когда светит оранжевое, и тогда зеленое не вредит, а если и вредит, то совсем мало. Оранжевое ему не дает слишком уж пакостить.

Но бывает очень редко, когда оранжевое опускается за край земли, а зеленое только-только вылезает, и тогда за несколько минут оно успевает натворить всяких дел.

Потому на это время все прячутся. Поговаривают, при королевском дворе маги составили таблицы, по ним видно, когда и на какое время вылезет зеленое, но их предсказания часто оказываются неверными, а уж простой народ и вовсе не может ухватить эти законы.

Еще известно, что чародеи изготавливают некие талисманы, защищающие от зеленого солнца, но они стоят дорого, и приобретают их только очень богатые люди. К тому же эти талисманы, чтобы защитить хозяев, впитывают всю злобу зеленого солнца и постепенно сами стареют и рассыпаются...

Я слушал краем уха, но не столько самого Фицроя, как шорох со стороны укладывающихся спать каторжников. Когда все затихло, а на смену пришел разноголосый храп, тихохонько поднялся.

Вуди завозился, просыпаясь, а Фицрой, что улегся вблизи, тут же привстал на локте, блестя в темноте живыми любопытными глазами.

– Вы чего? По бабам?.. Я с вами!

– Луной люблюсь, – сообщил я. – Я любитель лунного света. У нас культ луны.

– Какой из них? – спросил он.

– Не знаю, – буркнул я. – В лесу ни одной не видно. Спи.

– Про культ луны не слышал, – сказал он шепотом, – а вот про Фикариса... Это культ, понимаю! По триста девственниц за ночь на алтаре в полноценных женщин!.. У вас как насчет девственниц?

– Никак, – отрезал я. – Кому они нужны?

– Вот-вот, – сказал он с удовлетворением, – а говоришь, варвар!..

Я осмотрел плиты, хотя и днем насмотрелся, но днем только на своем участке, а тут походил и поприкидывал, откуда легче начать.

Потом весь день Мэтью просто отказывался, некогда, а без него нельзя, наконец поддался на уговоры, если окажусь прав, то ему что-то да перепадет сверху, потому на третью ночь тайком выползли к намеченной еще раньше огромной плите, которой не видно конца-краю.

Мэтью прочертил ровную линию, где должна образоваться трещина, а я наметил точки, где сверлить. Вдвоем с Вуди и под приглядом любопытствующего Фицроя чуть ли не всю ночь сверлили, вбивали колышки и поливали водой.

Ничего не случилось, Мэтью хмурился. Не выспавшись, на следующий день не выдали дневной нормы, а колышки за день снова высохли.

На следующую ночь мы начали поливать их сразу же после отбоя, и снова ничего, хотя истратили всю воду и теперь мучились от жажды.

Утром, как всегда, прогремел гонг, все начали подниматься, я обреченно двинулся к своему месту, ноги подкашиваются, во рту сухо, язык царапает небо и десну.

Мэтью сказал лютю:

– Доигрался?.. Теперь сдохнешь, никто тебе свою воду не отдаст...

За его спиной сухо и мощно треснуло. Он обернулся. От безразмерной мраморной плиты отвалился огромный кусок и чуть просел под собственной тяжестью.

– Ну вот, – прохрипел я, – видишь...

Ноги мои подломились, никто не поддержал, я завалился навзничь и здорово приложился головой о камень. Когда пришел в себя, башка раскалывалась, лоб горячий, как сковородка на огне, еще немного – начнутся спазмы, тошнота и рвота, так дает знать о себе нарастающее обезвоживание, а потом и вовсе склеишь ласты.

Голоса доносятся как будто со всех сторон, даже сверху и снизу, потом я ощутил у своих губ прохладное горлышко баклажки, полилась вода.

Я поспешно раздвинул полопавшиеся губы и начал хватать ими, непослушными как две деревяшки, струю. Потом сунули мне в руки, я уже сам поднес ко рту и пил, пил, пил, наслаждаясь живой прохладой.

Сильная рука хлопнула по моему плечу. Я с трудом поднял голову. Мэтью стоит напротив солнца, вокруг его фигуры и особенно головы яркие протуберанцы, а лицо кажется черным.

– Ну что, – сказал он гудящим, как пчелы в улье, голосом, – отдохни да продолжим?

Я прохрипел:

– Сейчас встану... Погоди.

Он снова хлопнул меня по плечу:

– Не спеши. Все равно успеем выполнить норму. А больше и не надо.

Неделю мы откалывали плиты по моему методу, сперва только мы с Вуди и Мэтью, потом Фицрой, затем и остальные. Мэтью хмурился, свирепо шипел на всех, чтобы не зарывались, такое надо держать в тайне, а то когда сверху увидят и все поймут, заставят выдавать мрамора наверх втрое больше.

Однажды веревка лопнула, тяжелая глыба мрамора рухнула с большой высоты. Внизу успели отбежать, но от удара о камни плита раскололась на десятки частей, один осколок догнал не успевшего отбежать и врубился острым концом в спину.

Несчастный рухнул, спина окрасилась кровью, а когда обломок выдернули, из раны так обильно хлынула кровь, что даже я понял, это не жилец.

– Небрежность, – сказал я невесело, – и лень...

Мэтью нахмурился:

– Ты чего? Просто веревка перетерлась. Вечных не бывает.

– Почему не пустить через тали? – спросил я. – Служила бы в сто раз дольше. А то и в тысячу. Или хотя бы простейший блок...

Он насторожился.

– Это что еще такое?

– Это же так просто, – сказал я. – Я ж говорю, даже простейший блок сбережет веревку. А двойной еще и даст выигрыш в силе...

– Это как?

– Ну как домкрат, – сказал я, – когда даже ребенок может поднять телегу... Ах да, вы и про домкрат не слышали? В общем, для тали нужен всего лишь блок. Хотя бы один.

Мэтью подумал, велел строго:

– Стой здесь. Никуда не уходи.

– Ладно, – ответил я послушно. – А надсмотрщик...

– Я сам с ним договарюсь.

Глава 5

Я видел, как переговорил с надсмотрщиком, тот хмурился, качал головой, но все-таки махнул рукой, и Мэтью ушел к тому месту, где спускается кабина.

Я видел, как он покричал наверх, корзину спустили, в ней два воина, нелишняя предосторожность, Мэтью крепко, переговорили, и все трое поднялись наверх.

Мои надежды, что поднимут и меня, не оправдались. Зато, когда корзина спустилась снова, двое с виду мастеровых вытащили из нее кучу веревок, ремней и пару толстых обрубков дерева.

Мэтью тоже явился и внимательно слушал мои объяснения, что и как делать, но, как мне показалось, так ничего и не понял, однако я держусь уверенно, и он, похмыкав, ушел на некоторое время, зато спустился сам Мегард.

Вмешиваться в процесс не стал, хотя тоже ничего не понимал, а когда я закончил и объяснил, как нужно пользоваться, похлопал меня по плечу и сказал, что если все так, как я говорю, то мне будут некоторые облегчения.

Еще четыре дня прошли в том же ломании камня, когда уже почти все переняли более технологичный способ добычи мрамора. Надсмотрщик оказался не дурак, наверх ничего не сообщал, камня наверх выдаем ровно столько, сколько положено, а ему меньше работы, меньше крика и беготни с плетью, когда обязательно нужно выбить нужное количество глыб.

Я начал продумывать, как совершить побег, но однажды сверху в корзине спустился крупный воин в медной кирасе, подложка, как и штаны, из толстой кожи, что-то рыкнул, к нему торопливо поспешил Мэтью и низко поклонился.

Я с Вуди работал в полусотне ярдов, мы сразу же взяли кирки и начали глупо и бесцельно лупить по твердому камню, где под ударами острия остаются всего лишь белые, как посыпанные мукой, пятна.

Затем за нашими спинами послышались голоса, шаги. Мэтью крикнул:

– Юджин!.. Оставь кирку, повернись.

Я положил кирку, с нею в руках нельзя поворачиваться к воинам, сочтут нападением, распрямился.

На меня с интересом смотрит этот служака, сразу видно по обветренному лицу и сурово-довольному виду, когда все хорошо и лучшего не надо.

– Этот? – спросил он.

Мэтью ответил упавшим голосом:

– Да, благородный Марл.

Воин оглядел меня с головы до ног:

– Ты из армии мятежников?

Я помотал головой:

– Нет.

Он махнул рукой:

– Да это и неважно. Там такие же дураки, как и здесь. Ты умен, никто до такого еще не додумывался. А что еще можешь?

Я развел руками:

– Ну... не знаю. Это зависит от сложности проблемы.

– Чего-чего? – спросил он. – Что-то больно мудро хрюкаешь. Или сбежал от кого-то больно умного?.. Хотя и это не мое дело. Мое – это получать мрамор и доставлять его на дальний склад, откуда забирают уже другие службы. Но перетаскивать все труднее... Ладно, рискнем! Я его пока забираю на время.

Мэтью пробормотал:

– Надеюсь, с ним ничего не случится. Это ценный работник.

Воин буркнул:

– В случае чего вернем вам его голову. А шкуру оставим, у нас на барабане прохудилась...

Эй вы там! Быстренько цепи!

Мэтью вздохнул, посмотрел на меня почти виновато.

– Не сердчай. Так принято. А то вдруг вырвешься там и побежишь.

– Да ладно, – ответил я. – Успокойся. Это ж не ты придумал.

На лодыжки одели оковы и соединили цепью. Оковы и цепи из толстой меди, я не успел продумать, почему именно так, как грубо втокнули в корзину.

Наверху что-то прокричали, и корзина быстро пошла вверх. Выйти я даже не успел, двое воинов грубо вытащили, корзина тут же ушла обратно в котлован.

Марл сказал нетерпеливо:

– Пойдем покажу. А покормят потом.

Ого, мелькнуло у меня ироническое, даже покормят... Вне расписания. Или у них оно другое.

Доспехи у воинов, как рассмотрел наконец, из темной кожи, только у Марла настоящая кираса, блещет надраенной медью. Начальник охраны каменоломни носит ее гордо и спесиво, издали видно, кто здесь главный.

В небе что-то темнеет, вроде парящей на месте птицы, я невольно скосил на нее глаза, охнул, вскинул голову.

Крупный воздушный шар, весь цветной, движется там в вышине настолько медленно, что почти стоит, а под ним на длинных толстых веревках корзина в форме лодки с раздутыми бортами. Над краем показалась человеческая голова, но тут же скрылась.

Марл рыкнул:

– Чего рот открыл?.. Впервые видишь, что ли?

Я пробормотал:

– Впервые... ну ладно, если нельзя смотреть, то не буду.

Воины смотрели на меня с горделивым презрением, а Марл сплюнул мне под ноги.

– Где только такие дикари и берутся. Монгов не видели, ха!.. Это же смотреть тошно, как сынки богатеньких глердов девок прогуливают, свои земли показывают, бахвалятся.

– Несправедливо, – сказал я.

Он посмотрел на меня с подозрением в маленьких злых глазах.

– А ты что, из армии мятежника?

– Нет, – ответил я честно.

Он поморщился:

– Хотя не все мне равно?.. Тут такое дело. Говорят, ты в каменоломне и камень научил раскалывать правильнее, и придумал, чтоб веревка не перетиралась...

Он умолк и уставился недоверчиво. Я ответил со всей скромностью:

– Это было нетрудно.

Он хмыкнул:

– Да? Тогда я задам задачку потруднее.

– Если смогу, – ответил я осторожно. – Человек я простой, простодушный и лаптеватый... Это у нас обувь такая, почти сапоги, но только из лыка. Короли такие не носят. Хотя, кто знает, у вас, может быть, и носят...

Он рыкнул:

– Поговори у меня!..

– Так то ж короли, – сказал я льстиво, – ладно, молчу.

– Вот и молчи, – сказал он грозно. – Иди посмотри на коней. Подумай, как помочь бедным животным, а не как удрать!

Для меня лошади вообще-то диковинка, и если бы объявили, что завтра на коне через весь город проедет голая Моника Белуччи, я пошел бы посмотреть на редкое животное, а всяких белуччей успел насмотреться как голых, так и совсем голых.

Стражи, бдительно присматривающие за мной, сами распахнули ворота в конюшню, будто я только и думаю, чтобы ворваться вовнутрь, прыгнуть на конскую спину и направить его без седла и удил на выход, а там, раздавая пинки ногами, прорваться через заслоны и умчаться, как вольный ветер, на свободу.

– Звери, – вырвалось у меня невольное, – что с этими бессловесными существами сделали...

У коней до крови стерты копыта, что вообще-то зверство и дикость. Когда я читал, как лихие д'Артаньян, Атос и Портос с Арамисом загоняли коней насмерть десятками, только бы прискакать в таверну на полчаса раньше и успеть выпить на кружку вина больше, да еще этим и бахвалились, мне всегда хотелось перебить всех мушкетеров на свете.

– А что за дорога?

Марл рыкнул от входа:

– Ты на коней смотри!

– Уже посмотрел, – ответил я зло, – и на уродов, что их довели до такого состояния, тоже посмотрел.

– Так чего еще?

– Дорога, – повторил я.

Марл повернулся, крикнул кому-то за спиной:

– Кабан и Калило!.. Быстро сюда.

Через пару минут появились два воина, оба не новички, видно по их небрежному виду, бывалые, тертые, умелые, ясно с первого взгляда.

Марл сказал с отвращением:

– Этот... хочет посмотреть на дорогу, где возят блоки. Проведите, пусть посмотрит.

Один из стражей сказал оценивающе:

– Он выглядит резвым.

– Примем меры, – сказал второй. – Не трусь, Кабан, гоняться за ним не придется с твоим пузом.

Я промолчал, выгляжу не только резвее этих увальней, но и покрепче. Вообще-то по росту выше, в плечах шире, а по тому, как двигаются, будто сонные мухи осенью, понимаю, я для них смотрюсь очень опасным.

Воин, который Кабан, принес толстую веревку, не перервать и не перегрызть, привязал меня к своему поясу.

– Это на случай, – объяснил он, – чтоб не вздумал удрать. А ты, Калило, сразу его руби, если вдруг что начнет...

– Зачем мне удирать? – спросил я. – Здесь хорошо. Даже кормят... А работать везде надо.

Они переглянулись, Кабан хмыкнул, а который Калило с веревкой сказал мрачно:

– Пойдем.

Марл остался возле сторожки смотреть нам вслед, мы прошлись немного по дороге, идти в цепях не так уж и комфортно, я остановился, рассматривая усыпанную мраморной крошкой полосу, помыслил, покачал головой:

– Все ясно. Можно и обратно.

Оба посмотрели, куда я вперил взгляд, переглянулись. Кабан буркнул с подозрением:

– И чего тебе ясно?

Объяснять не хотелось, не поймет, но и спорить опасно, я ответил смирно:

– Доложим Марлу.

– Ладно, – проворчал Кабан и на всякий случай проверил веревку, – доложим. Только если ему не понравится, я сам верну тебя в карьер. Но только без корзины, ха-ха!

Калило сказал намекаяюще:

– Но, может быть, стоило бы пройти еще немножко по этой дороге? Там, правда, на перекрестке таверна, но нам заходить не обязательно... Главное, осмотреть дорогу.

Кабан угрюмо смолчал, даже отвернулся. Не ему такое предлагать, раз неосторожно пообещал сбросить меня в карьер.

Я подумал, кивнул Калиле.

– Вообще-то дорогу нужно осмотреть внимательнее. Там всякие странности почему-то.

– Вот-вот, – сказал Калило живо. – Странности!.. Они самые. А нам нужно быть очень уверенными. Верно, Кабан?

Кабан ответил с надеждой в голосе:

– Ну да, ага...

– Пройдемся, – решил я, – еще чуть.

Таверна на перекрестке дорог не просто таверна, но еще и постоялый двор, обнесенный крепким забором. Внутри кроме добротного дома конюшня и два сарая, а посреди двора колодец с воротом.

Двери в таверну распахнуты, мы вошли втроем уже как сообщники. Комната просторная, столов не меньше дюжины, но заняты только четыре. За двумя скотоводы, судя по одежде, за третьим мастеровые, там хохочут и веселятся, а за четвертым в одиночестве пьет темно-красное вино мрачный мужик в полувоенной одежде.

Калило сказал с порога лихо:

– Вина всем троим!

– И пожевать малость, – бухнул вдогонку Кабан. – Но сперва вина.

Хозяин, могучего сложения мужик, не портит даже брюхо с валиками на боках, посмотрел с подозрением на таких гостей.

– Вина всем троим?

– И пожрать, – сказал Калило, – тоже троим. Вот монета, можешь убедиться.

Хозяин сгреб монету, осмотрел со всех сторон, кивнул.

– Вина и мяса на троих. Сейчас принесут.

Удалился он уже другой походкой, Кабан сказал хмуро:

– Когда уже нам будут верить на слово?

– Когда станем глердами, – сообщил Калило. – А мы станем?

– Глердами легче всего стать во время войны, – сказал Кабан. – Когда гибнут в атаках, они же всегда впереди, тогда могут возвести...

– А что, – сказал я, – король здесь мирный?

Кабан посмотрел искоса:

– Даже не задавай такие вопросы!.. У нас королей никогда не было. Всегда только королевы. Короли постоянно затевают войны и приводят королевства к упадку... свои и чужие!.. а женщины хранят мир и благополучие. У нас две королевы, Орландия и Андрианна. Они правят недолго, всего три года, но все уже убедились, у них все получается.

– Вообще-то мудро, – проговорил я несколько ошарашенно. – Женщины хранят мир и благополучие в семье... почему им не хранить и в масштабах побольше? Но... как же развитие?

Он посмотрел хитро.

– А для этого есть мужчины. Но правят женщины. Потому нам уже тысячи лет, а у соседей, где на троне мужчины, королевства рушатся одно за другим, поднимаются из руин и пепла, снова рушатся... Там земли переходят из рук в руки, постоянные войны, горят города и села... улавливаешь разницу?

Я зябко передернул плечами.

– Еще бы!.. А что насчет мятежников?

Калило придвинул к себе поближе блюдо с жареным мясом.

– Ничего, – ответил он, – ясного. Идут слухи, высшие глерды в королевстве готовы поддерживать притязания принца на престол.

Кабан отмахнулся:

– Слухи. Глерды ставят свои условия. К принцу отправляют своих людей для переговоров. Но пока что-то все тихо.

Я налил им вина, жертвуя и своей долей.

– А маги... они где? Во дворце?

Кабан осушил полчаши, взглянул на меня поверх края.

– Есть всякие. Хотя, конечно, во дворце жизнь привольнее. Но больше силы у тех, кто ходит по дорогам. Когда сходятся все три луны, умные маги не спят, а собирают то, что льется, как невидимый дождь, с неба. Пропитываются им, как мокрые тряпки, разбухают подобно сытым паукам. Если попадешься им в такую ночь, могут одарить щедро, магии у них тогда больше, чем могут удержать...

– Здорово, – сказал я, – а то есть такие, что сам не гам и другому не дам...

– У нас тоже такие есть, – заверил Кабан, – вообще-то все такие, но раз все съесть не удастся, то раздают излишки, приговаривая, что теперь ты должен, как-нибудь отплатишь услугой...

– Все равно это лучше, – сказал я, – чем ни себе, ни людям.

Калило обеспокоенно посмотрел в сторону окна, за которым виден кусочек краснеющего неба.

– Жрите быстрее, – сказал он. – Марл взбесится, а то и в зубы даст!

В нашу сторону от компании мастеровых поглядывал один в надвинутой на глаза шляпе, наконец поднялся и, захватив большую кружку с вином, чтоб не подумали как о просителе, решительно подошел к нам.

– Кстати, о зубах, – сказал он весело и дружелюбно. – У меня при себе зуб молодого дракона! Правда, уже поискрошился, но для таких героев самое то! Все прыщи убирает быстро и надежно, даже те, которых не было. Могу уступить недорого...

Я едва не охнул вслух, а Калило сказал настороженно и с какой-то надеждой:

– Это тот самый, который...

– Он самый, – заговорщицки понизив голос, ответил незнакомец, в котором я узнал Фицроя, – один глоток настоя, даже глоточек, и ночь ваша!

Кабан буркнул:

– А хватает надолго?

– Капля на ведро, – заверил Фицрой. – Из одного зуба настой на сто капель. На всю жизнь хватит! Конечно, смотря как жить. И с кем. Всего три серебряные монеты.

– Даю одну, – сказал Кабан угрюмо.

– Две, – сказал Калило.

– Продано, – заявил Фицрой торжественно.

Он передал нечто, завернутое в грязную тряпицу, получил две монеты и, взглянув на меня живыми хитрыми глазами, ушел обратно к веселящимся ремесленникам.

Глава 6

На обратном пути слева от дороги всего в сотне-другой шагов прямо из земли ударил багровый столб призрачного огня. Даже не огонь, как понял я не сразу, а луч, но все же огонь, что устремляется вверх, как луч, ни на дюйм не отклоняясь в сторону.

Я косился на моих стражей, не повели и глазом, хотя явно заметили. Луч из багрового стал красным, желтым, перешел в зеленый и стал прозрачным перед тем, как исчезнуть.

Сердце мое бухает так, что в далеком котловане услышат, я спросил испуганно:

– А че это?

– Магия, – сказал Кабан с видом знатока.

– В земле?

Он кивнул.

– Иногда накапливается в глубине, а когда начнет переполняться, то вот так снова к звездам... Повезет магу, если наткнется. Но это редкость, а обнаружить в земле еще никому не удавалось.

Я пробормотал:

– Но должны быть признаки... Раньше нефть находили по особым травам, что растут только над месторождениями.

– Что такое нефть?

– Горючие смолы.

Он сказал веско:

– Горючие смолы делают из сока смолистых деревьев. Знаешь такие? Ну вот, видно, что не знаешь. Топай быстрее, а то Марл нас уже заждался.

– У нас горные смолы, – пробормотал я. – Мумиё всякое там.

Еще издали узрели у сторожки воинственную фигуру Марла, Калило проговорил опасно:

– Чего он злой какой-то...

Кабан хмыкнул:

– С чего бы?

Марл устоял на обоих стражах еще издали, а когда они начали замедлять шаг, опасаясь подходить ближе, его морда быстро побагровела, а грудь раздулась для рева.

Кабан и Калило вообще остановились, стараясь не дышать, Марл уже шире себя вдвое, как боевой петух, заорал:

– Ну?

Я сказал деловым голосом:

– Благородный глерд, там дорога, по которой возят мрамор, все уплотняется и уплотняется. Вы заметили?

Марл, польщенный таким высоким обращением, прорычал:

– Я пока еще не глерд, дурак. Ты нас самих за дураков держишь? Как такое не заметить?

– Дорога уплотняется, – продолжил я умным голосом, – за счет мраморной крошки. Она как бы отрывается при перевозке, там все почему-то трется и вбивается в землю. И вообще в любой грунт, каким бы мягким ни был. Сыплется и вбивается. Копытами, копытами, ратипами... Дорога становится твердой, как камень. Да уже, собственно, стала. Если, конечно, по ней постоянно гонять туда-суда тяжело груженные волокуши.

Он буркнул мрачно:

– Никто не гоняет. С такими блоками не погоняешь. Ну, дальше!

– Нет разницы, – сказал я. – Быков впрягаете по две-три пары, видел, но у быков та же проблема.

Он фыркнул:

– И что, ты нам глаза открыл? А мы тут только в кости играем?

– Я ж не знаю, – ответил я честно, – во что играете. И куда. На таком твердом грунте... грунт – это как бы земля, но по-умному, роговые части копыта быстро изнашиваются. Хоть у лошадей, хоть у волов, хоть у человека.

Калило подсказал издали:

– У человека нет копыт!..

– У большинства, – поправил Кабан, – но они тогда уже не совсем люди, а больше свиньи.

Марл поморщился в их сторону, стражи тут же умолкли и кое-как выпрямились, хотя еще раскачиваются все больше, а я начал рассказывать прописные истины, что кони и волы сперва начинают хромать, потом вообще отказываются наступать на больную ногу, хлещи их кнутом или не хлещи.

– Мы сплетаем для коней и волов чулки, – сказал он зло. – Даже башмаки!

– И что? – спросил я. – Красивые? В смысле, коням нравятся?

Он пожал плечами:

– Обычно тут же сползают. Как такие понравятся? Кони тоже люди.

– А привязывать?

Он оскалил зубы.

– Думаешь, не пробовали? Чулки и башмаки укрепляем над венчиком копыта веревкой или ремешками, но это не намного лучше.

– Сильно натирает кожу, – согласился я, – а это раздражение и болезни копыта. Смолой замазывали?

– Да, – сообщил он, – но это ненадолго.

Я вздохнул.

– Тогда остаются только подковы.

Стражники переглянулись, Кабан отвязал веревку от моего пояса, и оба потихоньку, чуть ли не на цыпочках, чтобы не слишком привлекать внимание грозного Марла, удалились в сторожку.

Марл смотрел на меня грозно, положение обязывает, но и с надеждой.

– Что за подковы?

– Тоже типа сандалий, – сказал я, – только из металла.

Он хмыкнул:

– Это еще хуже, чем веревочные. Так натрут кожу, что конь обезножееет за сутки.

– Нет, – возразил я, – нужно сделать все иначе. Подковы сделать вот такими, а еще отковать специальные гвоздики, ухнали...

Объяснял я долго, он так и не поверил, но ситуация с конями и волами критическая, к тому же помнят, что я походя устроил добычу мрамора, так что в конце концов велел привести кузнецов и наказал им выполнять любую дурь, какую прикажу, шкуру потом снимут с меня, а не с них.

Начальник из меня еще хуже, чем подчиненный, объясняю куда уж проще, а показать не смогу, хоть убей, ничего тяжелее мышки и не держал в последнее время, штанга и гантели не в счет, это не работа, но чтоб молоток и гвозди...

К счастью, кузнецы лучше меня понимают, из чего конские копыта, потому когда я старательно твердил, что гвозди должны быть коротенькие, не мягкие и не слишком твердые, так как мягкие изогнутся в копыте и поранят живую ткань, а твердые сломаются, то кивали, хоть и не понимали, как это гвозди могут быть твердыми, а еще я говорил, чтобы на ухнале, так называются эти особые конско-копытные гвозди, должен быть скос на острие, это чтобы гвоздь при забивании в роговую стену копыта вышел наружу на нужной стороне...

– А из твердой стали, – добавил я, – вообще нельзя, потому что сразу сломаются...

Старший из кузнецов спросил с подозрением:

– Твердой... стали? Это еще что такое?

– Ну, – сказал я торопливо, – это так... ну, иногда бронзу называют малограмотные...

– Малограмотные? А ты что, грамотный?

– Ну, – пробормотал я, – если крупными... то разберу. Но не все, конечно. Так, две-три буквы. В картинках.

Объяснять и повторять пришлось несколько раз, мозги у них простые и неразработанные в отличие от могучих рук, но когда все же сообразили, на меня начали смотреть с великим уважением. Сообразили, что если эти вот медные пластинки приколотить именно так, как сказал, то и копыта коню защитят, и не поранят.

Подковы ковали чуть ли не целый день, матерясь и проклиная все на свете, но наконец сделали целых четыре штуки, а потом несколько часов прилаживали и аккуратно приколачивали. Это походило на хирургическую операцию диктатора латиноамериканской республики, когда при неудаче всех казнят, но думаю, тут все в самом деле стараются как можно точнее освоить важный процесс, обещающий важные перемены, это ощутили, молодцы.

Конь сперва то и дело опускал голову, стараясь рассмотреть, что у него прилипло к копытам, но вскоре привык и уже бегал на длинном поводу по кругу, демонстрируя хорошее настроение.

Марл наблюдал как за изготовлением подков, так и потом приходил смотреть, как прикрепляем к копытам, хмурился, хмыкал, но не вмешивался, чтобы не сказали потом, что было все хорошо, а он своими дурацкими приказами испортил, даже если и не будет никаких приказов, между мастерами и военными вражда существует издавна.

Я, получив какую-то передышку от этого сумасшествия, старательно осматривался, пытался понять, что же случилось, но все равно получалось какое-то сумасшествие, другое слово как-то не приходит в голову.

Косплеем и не пахнет, давно ясно. Ясно и то, что не сон, в самом деле вывалился через стену своего дома сюда, в странный средневековый мир, к тому же какой-то неправильный.

Каменоломня эта не единственная, их много, но, как объяснили с некоторой гордостью, в других ломают простой камень на постройку защитных стен против диких народов, нападающих с севера, полудиких – с востока, странных – с запада и кочевых – с юга, а здесь – мрамор для дворца королевы и прочих дворцов культуры вроде церкви Святого Иеронима...

Кроме того, как подтвердили и кузнецы, в самом королевстве есть целая армия повстанцев, во главе принц предыдущей династии, прячется в дремучих лесах среди болот и мечтает свергнуть династию Орнидов, чтобы захватить власть.

Но это мне по фигу, пусть хоть перебьют всех до единого человека, здесь мне только коней жалко. Главная мысль и цель – вернуться в свой мир и в свой дом.

Старший из кузнецов повеселел, когда удалось подковать еще пару коней, почуял награду, угостил меня паршивым кислым вином и рассказал, что эта каменоломня находится в ведении самого канцлера, а тот выполняет указания королевы, для которой и ломает мрамор.

Выпив чуть больше, чем ему требовалось, он заговорщицким шепотом сказал мне на ухо:

– Вы в своей деревне не знаете, что у нас две сестры-королевы?

Я пробормотал:

– Да мы и про одну не слыхали.

– Их две, – сообщил он, гордый своей осведомленностью перед таким диким невежеством, – мать передала власть обеим и велела править совместно!

– Ух ты, – сказал я, – а разве так получится? Обязательно одна ототрет другую.

Он кивнул.

– Так и вышло. Теперь правит старшая. Сильная, решительная, а младшая слишком мягкая и добрая. Какая из нее королева? Хотя некоторые поговаривают...

Он спохватился, что уже зашел слишком далеко, перевел разговор на коней, здесь я тоже что-то помню, нахватался от косплеистов, объяснил, что да, вообще-то диких коней никто не подковывает и с копытами у них в порядке, но те носятся по степи с мягкой землей, а на булыжнике и дикие сразу бы сбили копыта и еще как захромали! А наши вот, подкованные, могут теперь и по мягкому, и по самому твердому...

Пока я терпеливо разъяснял, подошел и Марл, долго и внимательно слушал. Теперь и сам понимает, что такое подковы, только не предполагал, что решение может оказаться таким простым и легким, а на меня смотрит с таким изумлением, словно увидел говорящую ворону.

Глава 7

Всю следующую неделю кузнецы только и делали, что выковывали подковы, а также ухнажи. Стражники, что должны охранять каменоломню, пришли и помогали держать коней, поднимали им ноги, где на копыта кузнецы аккуратно набивали подковы.

Одного, правда, конь легонько лягнул, так, почти играючи, но попал в лицо, и стражник с разбитым носом оставил проклятого коня и выскочил наружу.

Стражники и остальные кузнецы подтвердили, что да, ломаем мрамор то ли для нового дворца королевы Орландии, то ли расширяем прежний. Она правит этим королевством совместно с сестрой Андрианной, так принято считать, хотя на самом деле Орландия полностью захватила власть, а несчастная Андрианна, как младшая и более робкая, отстранена от любых дел, ей не позволяют заниматься ничем более сложным, как рукоделие и вышивание.

Еще услышал и намотал на ус, что у королевы правая рука – жестокий Роднер Дейнджерфилд, ее начальник армии, преданный слепо, при ее дворце живут и работают маги Строуд и Рундельштотт – оба великие волшебники, а также ей служит много разных чародеев рангом помельче.

Что магия здесь в самом деле существует, я с великим потрясением убедился сам. Вечером стражники сложили ветки для костра, а Марл вытащил из-за пазухи на цепочке красный камешек, мне он драгоценным не показался, что-то вроде красного гранита, но Марл, зажав камень в кулак, поднес к кучке хвороста и застыл с каменным лицом и отрешенным взглядом.

Через пару мгновений под хворостом вспыхнул огонек и начал быстро лизать сухие веточки. Солдаты вздыхали завидующе, а Марл с довольной улыбкой спрятал амулет на груди.

Кабан сказал ревниво:

– Это что, а вот я могу приманивать кузнециков!

Кто-то сказал лениво:

– Не брешешь?

Кабан вместо ответа поднес ко рту кулак и посвистел. Прозвучало едва-едва слышно, однако почти сразу с высокой травинки прыгнул крохотный кузнецик, настолько молоденький, что почти прозрачный. Следом скакнул еще один, покрупнее, а затем со всех сторон начали появляться еще и еще, мелкие и крупные, даже гигантские, с короткими и длинными усиками, одни крылатые, другие еще бескрылые.

Через минуту на коленях Кабана, на плечах и спине расселось где-то с дюжину этих зеленых крохотных чудовищ.

Марл в удивлении покачал головой:

– Здорово...

А Калило поинтересовался практично:

– Да, конечно, но... зачем?

– Как зачем? – изумился Кабан. – Смотри, собрал их, а сейчас ка-а-ак пугану!

Он дернулся, заорал, хлопнул в ладони. Кузнички в ужасе скакнули в разные стороны.

Калило сказал саркастически:

– Да, это очень важно.

– Зато нетрудно, – возразил Кабан. – И копить не надо месяцами магию. В день хоть пять раз созову!

– Очень важно, – повторил Калило. – Конечно, это легко. Все дурное легко, а все умное не так уж и легко, как бы хотелось.

Хорошо сказал, мелькнуло у меня. Но умных слов я наслушался, а вот то, что магия не просто существует, но ею владеют даже простые люди, пусть не все и только в разной мелочовке, это вообще переворачивает весь мой трезвый и правильный, хоть и неудобный мир.

Марл оглянулся на меня, голос его прозвучал с неожиданным участием:

– Ты бы полежал, ты же не из камня...

– Вот-вот, – сказал Калило. – Как можно вставать и ходить, когда только что уллучшил?

– Я слышал, – добавил Кабан, – другие по неделе пластом...

Марл распорядился властно:

– В самом деле, ляг и отдохни. А то меня обвинят в порче государственного имущества.

Я пробормотал:

– Да это у меня гражданская ответственность. Чувство локтя... но вы правы, благороднейший из глердов, сил нет, сейчас упаду...

Он подхватил меня под локоть, отвел в сторону и помог опуститься на землю в тени под скалой, а Калило прибежал с расшитым ромбами одеялом из дерюги и заботливо укрыл до пояса.

Я лежал, прикидывая, сколько можно вот так пробездельничать, раз использование своего дара истощает, а к тому времени, когда все сочтут, что я уже набрался сил, хорошо бы еще что-нибудь уллучшить...

Солдаты и кузнецы вроде бы знают о мире несколько больше заключенных. Обеда и ужина с ними у костра, я узнал, что армия доблестного герцога Утрехта Нортумберленда теснит банды мерзавца Роммельса, это тот, что дерзко объявил себя принцем предыдущей династии, но скоро его поймают и прилюдно повесят на главной площади. Или отрубят голову топором с серебряной ручкой и позолоченным лезвием, если он сумеет доказать, что в самом деле принц.

Еще наслушался о всяких гномах, что золото роют в горах, быстроногих эльфах, хитрых и вероломных, о болотных троллях, а еще в этом мире есть огры, хотя их никто и не видел, но слухи ходят упорные, узнал о существовании огневигов, эти под землей, но когда выходят, то в лесах пожары, а в степях выгорает трава...

Сегодня на обед великолепная баранина, зажарили прямо на углях костра, я с жадностью обглаживал сочное мясо на ребрышках, прислушивался к разговорам.

Из-за края котлована приглушенно стучат кирки о камень, солнце накаляет голову и голую спину, стражники уже набили животы жареным мясом и передают из рук в руки бурдюк с вином.

Марл все поглядывает на меня с интересом, наконец сказал негромко, но голосом, полным подозрительности:

– И все-таки, что у вас за село такое, если не знаете про лесовиков. Они же везде, где хотя бы кучка деревьев!

Кабан вступился:

– А если их деревенский колдун договорился с ними, чтобы деревню не трогали, баб не воровали, коров не бесчестили.

– Такое бывает, – поддержал Калило, – договариваются. Если, конечно, на жертвы не слишком скупиться. Черного петуха, черного козла и черную овцу...

– А девственниц? – спросил я.

Кабан махнул широкой лапищей:

– Да какая разница, кого жрать.

Я слушал-слушал, а в голове все еще стучит: куда же это я провалился или куда меня забросило, если и три солнца, и три луны, и колдун на колдуне едет и колдуном погоняет... Или магом. Нет, маги вроде бы старше по рангу, а еще выше, как понимаю, чародеи... И вообще здесь, по намекам, еще много чего и всякого, что старается на глаза не лезть без острой необходимости.

А еще понятно, этот мир достаточно прост: наверху королева, под нею высокородные глерды, армия и жрецы, астрологи, маги, колдуны, а ниже всякие там торговцы и ремесленники.

В самом низу простые крестьяне, что и понятно, однако даже среди них есть колдуны, причем довольно сильные, от которых зависит урожай, дождь или ясное небо над деревней, сочная трава вокруг и сильные собаки, что отгоняют волков, волколаков и даже нежить, так как чувствуют и видят ее в отличие от людей, а заколдовать их не удастся, слишком простые мозги.

Моя репутация выше некуда, со мной носятся, работать не то что не заставляют, но и не дают, а только смотрят с восторгом и ожиданием: а вдруг еще что-то сумею? Оковы с ног сняли уже давно.

Марл сделал два мощных глотка из бурдюка, рыгнул и проговорил густым сытым голосом:

– Думаю, дар Улучшателя намного выше дара любого мага. И даже чародея.

Кабан сказал нерешительно:

– Вообще-то чародей все это сделал бы одним словом... Или бы вот так посвистел, как я для кузнечиков...

– А что бы он сумел? – спросил Марл. – Чтобы плиты откалывались сами?.. И чтоб поднимались вверх?

– Ну...

– Ему пришлось бы жить здесь, – напомнил Марл. – И все время свистеть, как деревенский дурачок.

Калило сказал с готовностью:

– Марл, ты хоть и дурак, но прав, потому и наш командир. То, что придумал Улучшатель, остается навечно. А колдун должен все время подновлять.

Марл поморщился при дураке, просветлел при упоминании своей правоты и признания старшинства.

– Вот-вот. А еще тому, что придумает Улучшатель, могут научиться и другие. Потому все, что умеем, это работа Улучшателей. Вот эти сапоги, к примеру. Все ходили босыми, пока кто-то из древних Улучшателей не придумал, как их делать.

Кабан хохотнул.

– И штаны!

Марл сказал строго:

– А ты думал? Наверняка люди ходили голыми, как и кони!.. Потому нужно о нашем Улучшателе не трепать языком, поняли?.. Всех, у кого есть дар, утаскивают к королевскому двору.

Кабан возразил:

– Не всех. Умные свой дар скрывают. Кто-то живет на одном месте, прикидываясь тряпчонкой, кто-то вообще странствует.

Марл огрызнулся:

– Те пусть как хотят, нам своего Улучшателя скрыть бы от дворца. Там загонят в слуги, пропадет ни за что.

– А зачем скрывают свой дар? – спросил я.

Кабан сказал авторитетно:

– Чтобы пользоваться самому и никому не служить. Я бы только так!

– Свинья, – сказал Калило, – хоть и кабан. Но свинья.

Марл сказал очень серьезно:

– В общем, о нашем Улучшателе помалкивать, ясно? А ты, Юджин, получше прячь свой дар. Как и то, что соображаешь больше, чем показываешь.

Я кивнул: все верно, пока лучше не высовываться. Прогресс здесь движется, как я понял, на озарениях, так это называется. Тысячу лет все идет как идет, потом некто до чего-то додумывается. Например, что если заменить полозья на колесо, то грузы перемещать станет легче.

И с того озарения все, глядя на умника, начинают мастерить колеса. Затем еще через сто или тысячу лет кого-то посещает озарение насчет, скажем, лопаты. Или что на коней можно не только охотиться, но и приручить, чтобы использовать в хозяйстве. И коз. И коров.

Люди, которых посещают озарения, называются Улучшателями.

Глава 8

Издали послышался топот: всадник мчится к нам со стороны заходящего солнца, не рассмотреть в бьющих в глаза ярких слепящих лучах. Все умолкли и повернули в ту сторону головы. Я обратил внимание, никто не потянулся за оружием, что значит, земли здесь мирные.

Из солнечного света вынырнул всадник на храпящем коне, чуть проскочил костер и остановил недовольное животное, что требовало мчаться дальше.

Марл насторожился, остальные сразу потеряли интерес к прибывшему и обращали внимание только на бурдюк.

Всадник крикнул звонким юношеским голосом:

– Раскаркались?.. Сюда направляется сам Риан Айхорн!

Все испуганно притихли, Марл проговорил озадаченно:

– А он... чего?

– Непонятно? – спросил всадник зло. – Про вашего Улучшателя дозналось больше народу, чем вам бы хотелось.

Марл выругался, лицо стало несчастным.

– Знали бы мы раньше, что это настоящий... никто бы и не пикнул. Эх, всем встать, убрать бардак, смотреть граками!

Я поднялся тоже – неловко как-то сидеть, когда все забегали, как муравьи на горячей сковородке, – смотрел на дорогу, а там вдали появилось облачко пыли.

Разрастается медленно и неспешно по мере приближения, вот вынырнули кони в богато украшенной сбруе, за ними крытая коляска, даже не коляска, это я так, а повозка. На таких шло Великое переселение народов, грубая и слишком уж примитивная, колеса вообще из сбитых вместе досок, о спицах, как понимаю, здесь пока не знают.

Возница, которого так и подмывает назвать кучером, хотя ему до кучера как черепахе до луны, круто развернул повозку к нам боком и с силой натянул поводья.

Мы все терпеливо ждали, повозка остановилась, слуги соскочили с дощечки сзади, поставили перед дверцей скамеечку.

Один с почтительным видом распахнул, изнутри грузно вылез толстяк в богатой одежде и широкополой темной шляпе с красным пером.

Когда он спустился на землю, слуги, что еще и поддерживали его под руки, убрали скамеечку и застыли, как вырезанные из дешевого дерева статуи.

Стражники вытянулись, Марл хоть и помрачнел, но, когда толстяк приблизился, сделал предельно радостное лицо.

– Слава королеве!..

Толстяк отмахнулся.

– Слава, слава.

– благородный глерд, – сказал Марл преданно и вытянулся так, что хрустнули суставы, – приказывайте!

Толстяк кивнул, лицо немолодое, сытое и розовое, щеки отвисают, как брыли у старой собаки, под глазами мешки в два ряда, но взгляд острый, цепкий.

– И где, – проговорил он чуточку визгливым голосом, – ваш новый заключенный?

Марл даже не повернул голову, лишь коротко указал в мою сторону.

– Вон он! Отзывается на имя Юджин, хотя так ли его зовут...

Толстяк сказал ровно:

– Неважно. Я забираю его.

Марл кивнул Кабану и Калиле.

– Оденьте на него оковы.

Кабан смерил толстяка оценивающим взглядом.

– Только на ноги?

Марл прорычал:

– Давай без шуточек!.. Благородный глерд прибыл по делу, наверное. А если и не по делу, это не нам решать. Он если и не по делу, то для нас все равно по делу. У них там при дворцах все такие, умные, благородные и как бы делом озабоченные, хотя нам не понять, слишком мы простые.

Глерд бросил на него беглый взгляд, по виду издевичку понял, но реагировать счел ниже своего достоинства, неспешно приблизился ко мне.

Я ждал, он окинул внимательным взглядом с ног до головы и обратно.

– Как, – спросил он медленно, – говоришь, твое имя?

– Юджин, – ответил я и добавил: – Благородный глерд.

Он кивнул.

– Поедешь со мной. Если, конечно, не против.

– Не против, – ответил я. – Потому что, если против, повезут в цепях?

– Быстро соображаешь, – произнес он равнодушным голосом, повернулся к Марлу, – нет, цепи оставьте. Еще пригодятся. Возможно, для вас самих.

Марл бросил на меня обеспокоенный взгляд.

– Благородный глерд, он и нам показался смирным, но ваша жизнь почему-то стоит дорого, мы тут все удивляемся.

– Знаю, – ответил толстяк. – Я вас как-нибудь еще удивлю. Однако этот дикарь совсем не глуп. И не бросится меня душить прямо в повозке. А во дворце им займутся другие.

Марл изумился:

– Вы его повезете в свой дворец?

Толстяк покачал головой:

– Бери выше, старшой. Во дворец королевы.

Слуги не стали подсаживать меня, как толстяка, даже скамеечку не поставили, свиньи, почему-то недовольные, что простой заключенный поедет в дорогой повозке, в то время как они, такие красивые и нарядные, на запятках.

Я ухватился за откосы двери, повозку заметно качнуло. Толстяк взглянул с укором, молча указал на сиденье напротив. Я опустил медленно и не делая лишних движений, все-таки побаивается, вижу.

Лошади развернулись по кругу и вынесли повозку на дорогу. Колеса стучат громко, и, хотя под нами довольно толстые подушки, в задницу бьет ощутимо. Я невольно подумал, что слугам на запятках даже легче: ноги пружинят лучше ягодиц.

Толстяк молчал некоторое время, рассматривал меня неотрывно, я, в свою очередь, помалкивал, каждое мое слово может сработать против меня.

– Меня зовут Риан Айхорн, – сказал он. – Владею этой каменоломней и еще тремя чуть дальше.

Я промолчал, мое имя он знает, а светский разговор поддерживать вроде бы еще не положено.

– А кто ты? – спросил он.

– Варвар, – ответил я. – По крайней мере так говорят.

– И как ты здесь оказался? – спросил он. – Говорят, ты из армии мятежников, но мне так не кажется. Вид у тебя...

– Не мятежный? – спросил я.

– Точно, – согласился он. – И благополучный. В лесах не такие. Даже в городах таких мало.

– Я не из армии мятежников, – ответил я. – Вообще не из армии. Я мирный человек, простой и простодушный, аж самому смешно. Живем в горах, никого не трогаем. Горных лесах. Просто заблудился, забрался слишком далеко вниз, а там почему-то долина, кто бы подумал? Вот там меня и схватили.

Он подумал, рассматривая меня все так же внимательно, покачал головой:

– Врешь.

– Ну почему же? – возразил я. – Как я посмею говорить неправду такому важному и толстому человеку?.. Вы человек с весом, а я кто? Человек без веса всегда дикарь.

Он покачал головой.

– Ты даже говоришь не по-дикарски. У них слова в другом порядке.

– Каком? – спросил я.

Он буркнул:

– Глупом. Но мне все равно, в чужие дела не лезу. Ты резко улучшил работу каменоломни, что повысит мою репутацию при дворе и принесет добавочные деньги. Потому сейчас везу тебя в королевский дворец, а там уже выкручивайся, как хочешь.

– А придется? – спросил я.

– Наверняка, – ответил он без злорадства, а просто сообщил как нечто обыденное, – если не хочешь больших неприятностей.

– Я и малых не хочу, – заверил я.

– А это как будешь себя вести, – ответил он. – Если в самом деле Улучшатель, жизнь твоя будет сказочной. Это очень редкий дар! Со времен последнего Улучшателя прошло семьсот лет.

Он отвернулся и, отодвинув с окошка тряпицу, начал смотреть на медленно проплывающие мимо деревья, толстые, высокие и картинно красивые.

Я посмотрел со своей стороны: деревья и по ту сторону дороги, ветви изысканно изогнуты, ажурная тень падает на дорогу, колышется из стороны в сторону, и конские копыта стучат как будто по мелкой воде, пронизанной лучами солнца.

Небо чистое, синее, облачка далеко к горизонту, да и те растают, если вздумают добираться сюда. В просветы между деревьями иногда видны аккуратные домики, огороды, поля, стада коров. По небу далеко-далеко плывет не то мелкая тучка, не то воздушный шар темного цвета.

Кони мчались довольно долго, наконец далеко впереди начали вырастать сахарно-белые башни, между ними проступила стена, тоже непривычно белая, словно из осветленного алебаstra, дорога незаметно перешла в мощение, сперва просто вбитые в землю камни, затем уложенные один к одному булыжники, красиво и ровно отесанные.

Город выглядит праздничным и не просто украшенным к празднику, именно выстроенным для вечного праздника: массивные колонны, с укрепленными огромными и украшенными узорами и барельефами створками ворот, по обе стороны по два стражника в настоящих медных доспехах с головы до ног – шлем из меди, кираса, наручные пластины и такие же поножи, закрывающие голень. Сапоги с низкими голенищами, что значит, несут службу только здесь, по болотам в таких не походишь.

На толстой каменной стене и на воротах красочно реют роскошные знамена с оскаленными мордами львов и прочих тигров.

Возница что-то прокричал – да нас и не думают останавливать, повозку с гербом видят издали. Мы пронеслись под аркой ворот и оказались, как я понимаю, в городе, даже в столице, если здесь дворец королевы.

Все здания по обе стороны улицы из красного кирпича, крыши где оранжевые, где желтые, есть даже черные, после очередного поворота показался то ли в конце города, то ли за его пределами дворец, чудо-дворец, дивный архитектурный ансамбль из десятка зданий, почти все

соединены друг с другом изящными висячими мостиками, настолько воздушными, что разве сумасшедший рискнет ступить на такое. Повозка снова свернула, по бокам опять потянулись дома, но уже богаче, чем раньше.

Риан с удовольствием поглядывал на мое лицо.

– Ну как?

– Потрясно, – ответил я шепотом. – Это... это чудо!.. Это люди делали?

Он хмыкнул:

– Даже не глерды, а простые каменщики. Правда, глерды иногда что-то да подсказывали. А руководил всем великий... да тебе это знать не обязательно.

Дома разбегались в обе стороны, кони вынесли на площадь, а на той стороне за высокой оградой из металлических прутьев, стилизованных под копья, простирается совсем иной мир, заставивший сердце стучать чаще.

У арки металлических ворот из таких же прутьев, только с вензелями и эмблемами мечей, щитов и оскаленных львов – парадная стража.

Перед нами распахнули ворота, не задавая вопросов и не проверяя, кто там внутри, – вдруг да держу нож у горла хозяина повозки.

Дальше кони понесли по широкой аллее. Я глазел во все гляделки и со щемом понимал, что насчет дворцов ошибался, так как всегда представлял себе дворец как одно здание, но здесь их десяток, все из белоснежного мрамора, высокие и ажурные, соединенные переходами на большой высоте, открытыми и закрытыми, а также висячими лестницами.

Центральный замок с остроконечной крышей пурпурного цвета, несколько башен по периметру. На вытянутых к небу крышах задорно трепещут прапора, а весь этот ансамбль зданий окружен исполинским парком, расчерченными геометрически точными аллеями разной ширины. Вижу несколько небольших озер или прудов, сверкающие жемчугом в солнечных лучах струи фонтанов, группки высоких деревьев, где у подножия прижались аккуратные, словно игрушечные, домики...

Есть даже скалы с водопадами, то ли природа постаралась, то ли дизайнеры, множество лестниц из дорогого мрамора, что ведут от одних красот к другим...

У главного здания, оно выделяется особой изысканной красотой и великолепием, по периметру рассредоточены часовые. Доспехи у всех медные, ну как у древних эллинов, там даже царь Ахилл у них медноблещущий, а неуязвимым стал не раньше, чем ему сковали доспехи из дорогой и редкой бронзы.

Бронза, правда, тоже есть, это я заметил еще в каменоломне, но ее получают сплавом меди и олова, а если меди здесь хоть анусом кушай, то с оловом, как догадываюсь, туго. Даже у Марла кираса из меди, а из бронзы только короткий меч в простых деревянных ножнах.

Ага, показался офицер, судя по тому, что у него не только кираса, но и шлем и наручники, даже поножи, все блестящее и сверкающее, начищенное и надраенное: как же, при королевском дворце проходит службу.

Он посмотрел в нашу сторону, но угрозы не узрел, а подходить счел ниже своего достоинства, удалился так же красиво и величественно, осознавая свое высокое положение и не давая забывать о нем остальным.

Едва повозка остановилась, слуги соскочили первыми и, распахнув дверцу, поставили перед нею скамеечку. Я не знал, кто из нас должен выходить первым, то ли старший впереди, то ли старший степенно следует сзади, но Риан так долго кряхтел и выкарабкивался из глубокого кресла, что я рискнул выпрыгнуть первым, но скамеечки на всякий случай касаться не стал, скакнул через нее.

Глава 9

Риан вылез с кряхтением и, поддерживаемый с обеих сторон под руки, осмотрелся. К нам спешит такой же толстяк, только ростом повыше и одет чуть ярче.

Риан отвесил изысканный поклон.

– Дорогой глерд Хайдарн, принимайте нового слугу!

Хайдарн, в свою очередь, склонился в учтивом поклоне, затем выпрямился и окинул меня недружелюбным взглядом с ног до головы и обратно.

– Шутишь? Зачем он нам?..

Риан сказал загадочно:

– Думаю, понадобится.

Хайдарн покачал головой:

– Ты с ума сошел, дорогой друг. Слуг у нас предостаточно. Умелых, быстрых, обученных. Этот деревенский увалень умеет что-то особенное?

– В точку, – сказал Риан с удовлетворением. – Ты всегда был хорошим стрелком, Хайдарн! И сейчас твоя стрела без промаха нашла то единственное, почему он здесь.

– Ну-ну?

– Возможно, – торжественно сказал Риан, – это наше лучшее приобретение, Хайдарн!

– В каком смысле? – спросил Хайдарн настороженно.

Риан произнес строго и со значением:

– Это Улучшатель. Я сам в этом убедился. Если это так, нас ждут награды.

Хайдарн оглядел меня с явным недоверием.

– Улучшатель?.. Что-то не похож.

– А какие они? – спросил Риан. – Кто из нас видел, если последний из настоящих жил семьсот лет назад?

– У него вид дурацкий, – определил Хайдарн с отвращением.

– Он не дурак, – заверил Риан. – Сам увидишь.

– А чего ты решил, что он и есть Улучшатель?

– Он улучшил добычу мрамора, – объяснил Риан. – Тысячи лет добываем мрамор, а он показал, как делать это быстрее и лучше. Кроме того, по его подсказке глыбы отныне поднимают так, что веревка не перетирается.

– Ого!

– Но главное в другом, – сказал Риан, понизив голос, – он обучил уберечь копыта коней. Подковывать. Ты должен принять меры, чтобы это осталось тайной нашего королевства!

Хайдарн спросил с настороженностью в голосе:

– Что такое «подковывать»?

– О, – сказал Риан шепотом, – это вообще... Я бы сказал, он не просто Улучшатель, а Великий Улучшатель, хотя таких еще не было... Если за неделю сделал сразу три улучшения... ты представляешь, что это значит?

Хайдарн снова обратил взор в мою сторону и всмотрелся внимательнее. Я постарался держать на лице то же глупое выражение, даже рот приоткрыл, это у женщин такое выражение нам нравится, все предпочитаем дур, а вот для мужчин оно не весьма.

– Ладно, – произнес он с сомнением, – пусть побудет в общей комнате для слуг, а там посмотрим.

Я не двигался, это же надо знать, где эта общая комната, а он понял, повернулся и крикнул зычно:

– Карнар!.. Ты где, скотина?.. Бегом сюда!

Примчался молодой мужик, крупный, но суетливый не по габаритам и угодливый, торопливо поклонился.

– Что угодно благородному глерду?

Хайдарн пренебрежительно указал через плечо пальцем в мою сторону.

– Видишь там?

– Благородный глерд?.. – проговорил Карнар.

– Покажи, – распорядился Хайдарн, – этому существу, где будет жить. Заодно объясни, что делать, пока не найдем другое занятие.

Мужик поклонился так, что чуть не ударился лбом о землю.

– Все, что изволите, благородный глерд!.. Эй ты, иди за мной!

– Иду, – ответил я. Со всем как бы почтением. А как же, я такой...

Он пошел в сторону от главного здания, в сотне шагов еще почти такое же, но пониже, однако Карнар прошел мимо, так миновали еще два, наконец он целеустремленно направился к массивному, приземистому, из красного кирпича.

К входу ведет широкая, но невысокая лестница, в самом низу по бокам кони из черной бронзы, что значит, если не ошибаюсь, вороные, вороны же черные, четыре ступеньки, каждая широкая, как площадка, а у самого входа по обе стороны массивные каменные львы в два раза крупнее натуральной величины.

Оба повернули головы и уставились слепыми глазами. Я зябко повел плечами, идти старался точно посередине лестницы, чтобы от обоих как можно дальше.

Холл громаден, просто необъятно громаден, на той стороне широкая парадная лестница с празднично-пурпурной ковровой дорожкой, что ниспадает с самого верха и, плавно изгибаясь на ступенях, идет до мраморных плит холла.

– Нехило живет дворня, – пробормотал я.

Пол из настоящего мрамора, стены тоже из светлого камня, как бы мрамор, по словам Мэтью, широкие ниши по обе стороны, справа белые изваяния, слева рыцари в полных доспехах, забрала опущены, впечатление такое, что живые.

– Топай быстрее, – велел он.

Я сделал шаг вперед, но Карнар ухватил за плечо.

– Куда?.. Нам налево и вниз.

В левой стене роскошная дверь, но лестница за нею намного проще парадной, ступени из простого камня, хотя все добротно и достойно, даже на каждом пролете каменные звери, леопарды или пантеры, я в зоологии не силен, тоже уставились, начали поворачивать головы, одна глухо зарычала, вторая вообще сделала движение встать и пойти к нам.

– Не волнуйся, – сказал Карнар, но я ощутил, что он и сам встревожен, – недоработали местные маги... Все тят-ляп да побыстрее в кабак!

Я нервно оглянулся, не бегут ли следом.

– Я думал, оживлять труднее...

Он изумился:

– Зачем оживлять? Это живых окаменячили, так проще!.. Но что-то они как-то странно... От тебя чем-то тянет?

– Не думаю, – ответил я встревоженно. – Капли вина в рот не брал!

– Да вино ни при чем... Ходят слухи, маги натаскивают таких вот на особые случаи.

– Какие?

Он ответил мрачно:

– Не нашего ума дела. Вот почти пришли.

Портреты в огромных золоченых рамах провожают меня глазами, да не просто провожают, знаю этот трюк, а в самом деле поворачивают головы и смотрят очень внимательно и как-то встревоженно.

Я оглянулся, один даже заметно выдвинулся за раму, глядя мне вслед.

Карнар сказал быстро:

– Не шарь глазами, не шарь!.. Слугам не положено. Быстро за мной, не отставай!

Почти в углу малозаметная дверь, через нее длинным коридором вышли в зал небольших размеров и с низким сводом. В глаза бросились два огромных камина на противоположных концах. Огонь полыхает яркий, дров не жалеют, в самом зале четыре длинных стола, а также вдоль всех четырех стен широкие лавки для спанья.

Уже не такие широкие – вдоль столов, в левой части зала грома неразобранной мебели, сундуки и тяжелые скрины.

– Здесь, – сказал Карнар отрывисто. – Тебе покажут.

Людская, на мой взгляд, просторнее некуда, слуг не видать, только две женщины готовят еду. Одна уже помешивает в большом котле поварешкой, другая режет на столе лук и сыпает в котел.

Карнар крикнул первой громко, как глухой:

– Алата! Это новенький. Покажешь ему, где спать, покорми заодно. Остальное объяснят другие.

Женщина обернулась, ответила задорно:

– Я могу и остальное объяснить!

Полная, молодая, румяная настолько, что ну просто кукла, хотя вижу, все свое, без косметики, просто здоровье бьет через край, губы как спелые вишни, щеки словно румяные яблоки, и вся такая, что хочется ухватить, помять, а то и укусить, настолько сочная и лакомая.

Карнар махнул рукой и ушел. Я медленно двинулся к женщинам. Вторая лишь на миг повернулась в мою сторону, бросила беглый взгляд и снова принялась резать лук и овощи.

– Ты откуда? – спросила Алата певучим голосом.

– Из леса, вестимо, – ответил я. – Я как бы лесной человек, потому могу что-то не так.

Она засмеялась:

– Это ты заранее оправдываешься, что сейчас под юбку полезешь? Или сперва за пазуху?.. Нет уж, сперва обживись. Я женщина не больно строгая, но разборчивая.

– Да я что, – пробормотал я, – не так уж сразу я и... как бы вот так. Я ж говорю, человек я лесной, застенчивый. Как я могу вот так сразу под юбку? Я не сразу, нет, я не такой, я хороший...

Вторая женщина даже оглянулась, чтобы посмотреть на хорошего мужчину, но я чем-то не показался таким уж, отвернулась и, закончив с луком, принялась вскрывать огромным ножом и потрошить крупную толстую рыбину.

Я постоял еще, и она сказала через плечо с некоторым раздражением:

– Пока работы для тебя нет, так что помогай другим.

– А как? – спросил я. – Это если бы в лесу, я бы так показал, ого-го!.. А здесь не совсем лес, хоть все из камня, но все равно не лес.

Она сказала строже:

– Будешь носить воду, дрова. Это сумеешь?

– Дрова сумею, – заверил я, – а воду как? Она ж вырвется и утечет...

– Дурень, – сказала она сердито, – воду носят в ведре или в бадье. Я покажу. А когда привезут из сел мясо, рыбу, битую птицу, будешь принимать и носить на кухню. Если мешки с мукой или зерном, то в подвал. Бочки с вином тоже в подвал, только вот он там дальше... А жить будешь здесь.

– Я уже могу начать жить, – сообщил я. – Где лечь? На бок или на спину?

Она сказала строго:

– Еще спроси, с кем. Ты какой-то несерьезный. А здесь все строго. Не так, как у вас в деревне.

– Я из леса, – сообщил я гордо. – Я вообще всегда из леса. Иногда, правда, бываю с гор... Но из леса лучше.

Она не поняла, да и не вдумывалась, женщины вообще редко вдумываются, у них на все есть готовые алгоритмы, так жить проще и, как ни странно, меньше ошибок, кивнула на два толстых мешка у порога.

– Вон те принеси к столу поближе... А потом почисти котлы.

– Может, – сказал я, – их лучше помыть?

Она оглянулась и посмотрела на меня как на идиота. Алата издали хихикнула.

– Моют изнутри, – сказала старшая резко, – а чистят снаружи!

– Ух ты, – сказал я пораженно. – Вот до чего цивилизация дошла...

Вторая, которая Алата, звонко расхохоталась.

– Терда, он же из леса!.. Откуда у них котлы?

Я заверил гордо:

– Мы уже не едим живое мясо! Уже года три как жарим на углях!

– Вот видишь, – сказала Алата строгой напарнице, – откуда ему знать такие сложности? Давай я тебе покажу. Тебя как звать?

– Юджин, – сказал я.

– Смотри, Юджин, – сказала она, – берешь вот этот скребок...

Она объясняла, а я смотрел на ее колышущиеся вторичные половые, прикидывал, что почаше надо появляться в тех местах, где бывает маг или маги, если их несколько. Мое появление здесь даже если не связано с их экспериментами, то все-таки с помощью магии есть шанс вернуться обратно. Другого шанса просто в упор не вижу.

Судя по тому, какие тут стихии прогуливаются, какие-то маги наверняка пытаются как-то воздействовать на эти искривления пространства-времени.

В людскую время от времени приходят мужчины, что-то приносят, что-то уносят, я не присматривался и вообще опускал голову, стараясь ни с кем не встречаться взглядом и быть как можно незаметнее, а только отдирав вьевшуюся копоть от котлов, сам перепачкался, но кому это забавно, здесь почти все такие.

В моих интересах – чтобы меня замечали как можно меньше, зато сам узнаю больше. Пока что особенно не преуспел, хотя уже понял из разговоров и осторожных расспросов – я же дикарь! – что это не просто город Санпринг, а столица королевства Нижних Долин. Мы здесь младшие слуги, так называемые дворовые, хотя не роем норы во дворе, а живем вроде как люди, в отдельной большой комнате, так называемой людской, сюда уходим на ночь, да и в остальное время чаще всего именно здесь выполняем всякие работы.

Вскоре убедился, что слуг не так уж и много для такого исполинского дворца. Должно быть хотя бы вдесятеро больше, если не вдесятеро, однако в первый же день с трепетом понял, что здесь работают и те силы, которых не прочь бы заставить трудиться и на своем участке, оставленном мне в наследство от прадеда по матери.

Алата то ли ощутила симпатию к здоровенному парню, такому беспомощному в этом мире, то ли по материнскому женскому инстинкту, требующему спасти щенков и детей, но выбрала момент, когда строгая Терда отлучилась, сказала быстрым шепотом:

– Над нами не так уж и много начальников, понял?

– Это хорошо, – ответил я осторожно.

– Хорошо, – согласилась она, – все и так знают, кому что делать, зато тобой все будут командовать и указывать, что делать, так что сам смотри...

– Кого слушать, – переспросил я, – а кого нет?

Она воровато оглянулась на дверь и сказала еще тише:

– Я тебе ничего не говорила, понял?.. Просто здесь мы все слуги. Можешь помочь кому-то из уважения или дружбы, но подчиняться ты не обязан... если сам не восхочешь.

– Алата, – сказал я тихонько, – ты золотце...

На лестнице слышались шаги, Алата отбежала к своему столу и, когда вошла Терда, уже усердно помешивала поварешкой в большом котле, откуда идет запах рыбного супа.

Терда зыркнула с подозрением в ее сторону, учуяла что-то, но смолчала и, положив на стол новую порцию рыбы, принялась чистить и разделывать.

Глава 10

В наш зал иногда спускаются слуги, обычно за каким-то инструментом, только кузнеца не видел, у того все на месте, на меня посматривают с интересом, но знакомство откладывали то ли до обеда, то ли до конца рабочего дня, только один, молодой и довольно наглый парень со странным именем Полип, сразу же взыграл, что не он теперь низший, начал отдавать приказы громко и важно, пусть даже в нашей большой комнате только Алата и Терда.

Я вскипел почти сразу, но заставил себя смириться: слишком мало здесь пробыл, чужак, все будут на стороне этого Полипа, он свой, лучше пока ни словом ни взглядом никого не раздражать и не настраивать против себя.

Правда, уже к обеду устал так, что ноги дрожат, как натянутые струны под ударами грубых пальцев, и очень хочется всех послать, а самому где-то лечь и дать отдохнуть измученному телу.

Терда взглянула на меня с неприязнью.

– Опять спишь?.. Бери бадью, принесешь воды из колодца.

– Там глубоко? – спросил я опасливо.

– Дурень, – сказала она с отвращением, – никто тебя не заставляет лезть туда. Там ворот! Иди, тебе покажут, как цеплять ведро на крюк и зачерпывать воду.

Алата засмеялась:

– А потом еще надо ведро поднять, понял?

– Не, – ответил я, – у меня ж руки короткие.

– Зато цепь длинная, – отрезала Терда таким злым голосом, словно уже сажает меня не на эту цепь, а на ту, что покороче. – Иди, там все покажут!

На заднем дворе, куда редко заходят благородные глерды, мелкие постройки, вроде кузницы и дворцовой оружейной, а также колодец, окруженный каменным забором мне до пояса, двое мужчин как раз крутят ворот, вытаскивая из колодца тяжелую бадью с водой.

Вытащили, вдвоем бережно перелили в подставленные ведра двух слуг, а те поперли их, щедро расплескивая по дороге, в сторону головного здания.

Еще там огромный чан, краем вделанный в стену. Когда нет подставленных ведер, мужики выливают воду в этот чан, но, как я заметил, уровень воды там не повышается.

Двое мужчин вышли из-за угла здания, величественные и властные, лица холеные, в каждом движении ощущение своей мощи и беспредельное высокомерие, оба в синих камзолах с множеством золотых пуговиц в два ряда, половина явно просто украшение, короткие воротники с узорчатым краем приподняты, там блестят золотые нити, золотые пояса, брюки тоже украшены золотом, а сапоги так и вовсе выглядят так, словно покрыты серебром.

Я услышал, как первый произнес важно и покровительственно:

– Королеве Орландии недостает решительности. Все, что делает, это просто удерживает власть. Боится сделать лишнее движение...

Второй уточнил с некоторым подбострастием:

– Боится вообще сделать движение! Для нее любое движение – лишнее. А это гибель...

Вид у него предельно презрительный, я подумал, что хоть и гад, но прав: любая формация без движения закисает и загнивает.

Первый подумал, сказал с брезгливостью:

– Однако ж у нас мирно, вот на чем играет. Народ, дескать, богатеет, а у соседей войны, мятежи, перевороты...

Второй громко фыркнул:

– Мирно! Даже эту мирность ей подсказывают глерд Мяффнер и глерд Тархантер. Я бы таких советников... Они от старости вот-вот рассыплются, потому и за мирность. А Орландия

выполняет их советы лишь потому, что советуют ничего не делать, сидеть тихо и устраивать балы!

Они прошли вдалеке, продолжая беседу, голоса стихли, я с неохотой повернулся в сторону колодца.

Мужики поглядывают на меня с интересом, что-то уже слышали о новичке, а я сказал с почтительным изумлением:

– Чан никогда не переполняется? Или воду берут с той стороны, в зале?

Один из поворачивающих рычаг ворота сказал словоохотливо:

– Дальше вода сама.

– Ножками, – сказал второй.

– Нет, – возразил первый, – ползком. Как ящерица.

Толстая баба, переливавшая воду в ведерко, сказала ворчливо:

– Парень, не слушай зубоскалов. Вода просто течет, как обычно. Просто не вниз, а вверх.

Мужик шлепнул ее по заднице и засмотрелся заинтересованно, долго ли будет колыхаться.

– Э-э, – выговорил я, – как это вверх?

– Внутри стены, – ответил он, – и до самого верха. Прости, дружище, но, как это карабкается наверх, вместо того чтобы по щелям вниз, тебе никто не объяснит.

Второй гоготнул:

– А кто-то разъяснит, почему течет вниз?

Я преувеличенно громко ахнул:

– Магия?

Он усмехнулся:

– Как здорово, да? С магией всегда все понятно. А ты что так уставился? Это ты Улучшатель? И тут можешь что-то улучшить?

– Вряд ли, – ответил я. – Но если бы магией заведовал я, то воду попросту выжимал бы из туч. Это и проще, и вода там намного чище.

Он посмотрел как на дурака.

– Как может быть что-то чище колодезной воды?

– Вода из туч, – объяснил я. – Та вообще дистиллированная.

– А что такое... дистиллированная?

– Не стану же, – сказал я с достоинством, – вас приучать самогона гнать? Нехорошо. Налейте мне в ведерко, иначе Терда прибьет, если вернусь с пустым.

Они посмеялись, а, пока вытаскивали очередную бадью и наливали мне, я смотрел, как через двор прошел невысокий и грузный человек в плаще до земли и в широкополой шляпе с высокой тульей. При каждом шаге мерно тюкает в пол массивным посохом, здесь их именуют жезлами, хотя жезл в моем представлении нечто коротенькое, но когда посох вырезан из слоновой кости, украшен золотом и драгоценными камнями, то посохом называть уже как-то не то, посохи только у диких пастухов, которыми гоняют овец, а жезл даже звучит... Э-э... звучно.

В двух шагах от меня остановились Карнар и еще один из слуг, бледный и неприметный, отзывается на имя Фрийд, постоянно согнутый, но с вечно недовольным лицом комнатного бунтаря и революционера.

– Маг Строуд, – пробормотал Карнар и сплюнул через плечо. – Ему лучше на глаза не попадаться.

Фрийд смолчал, и так знает, а я поинтересовался:

– Почему?

Он сказал зло:

– А вдруг болезнь найдет?.. Просто так, чтобы позабавиться?.. Или потому, что ему суп пересолили...

– Лишь бы в жабу не превратил, – сказал Фрийд желчно. – Не хочу быть жабой. Вот бы в птицу.

– Нас не превратит, – ответил Карнар авторитетно. – Трудов много, а толку никакого. Это если бы нашего управителя...

– Тот обвешан амулетами, – напомнил Фрийд, – на все случаи жизни. Пойдем, а то уже смотрят.

С хриплым карканьем на край телеги села ворона и, сложив крылья, начала чистить перья, то и дело настороженно поглядывая в нашу сторону.

Карнар хмуро посмотрел на пернатое, но смолчал, только со вздохом подошел к телеге, где громоздятся мешки с зерном, взялся за углы мешка. Ворона почистилась и улетела, не отыскав, что украсть, Карнар сразу же присел отдохнуть, а мне велел:

– Хватит им воды! Помогай нам.

Я в недоумении посмотрел вслед исчезнувшей вороне, но смолчал, зато Фрийд бросил на меня беглый взгляд.

– Еще не знаешь?

– Чего? – спросил я.

Он сказал мрачно:

– Колдуны могут смотреть их глазами.

– Ух ты, – сказал я восхищенно.

Он поморщился:

– Что хорошего? Не люблю, когда наблюдают.

– А кто любит, – сказал я резонно, – да только у нас какие секреты? Пусть смотрят, не жалко. Да и не станут смотреть за нами, кому мы нужны?.. Это за голыми девками или за королевой разве что...

Он покачал головой:

– За королевой не получится. Там маги на каждом этаже. Не допустят.

– А если глазами мухи? – спросил я. – Муху могут и не заметить.

– Заметят, – ответил он. – Да и нельзя глазами мухи. У нее совсем другие глаза... Проще всего глазами собаки, коня, коровы, куда труднее глазами птиц... А вот рыбой еще никто не смотрел.

– А домашними или дикими? – спросил я.

Он хмыкнул:

– Интересуешься? Можно и дикими, но с ними трудно. Зато заглянуть удастся дальше... Ладно, бери вон тот мешок, он побольше, ты вон какой здоровый, а я возьму этот... И вообще, не понимаю, что у тебя на уме? Ты должен думать сейчас, к кому пробраться в постель: к Алате или Терде. У Алаты сиськи покрупнее, зато у Терды задница шире... И ничего, что старая. Она не старая, это она не то снадобье однажды попробовала.

– Потому что дура, – сообщил знающе Фрийд. – Женщины все дуры. А ты не знал?

– Это все знают, – возразил я, – но мы же политкорректны, потому помалкиваем. А зачем она снадобье...

Карнар буркнул:

– Бородавку с носа хотела свести. У нее была размером с орех!..

– Свела?

– Не только с носа, – ответил он, – отовсюду! Да только постарела с виду, а была ж красивее Алаты. Они ровесницы...

– Да, – сказал я, – трудный выбор. А нельзя такую, чтоб и сиськи, и задница?

– Много хочешь, – буркнул он.

– Много, – согласился я. – Но это же хорошо?

– Но опасно, – ответил он.

– Кто не рискует, – сказал я, – тот не...

Он оглядел меня внимательно.

– Похоже, ты рискуешь здесь больше всех.

Холодок страха проскользнул у меня между лопатками, но я растянул губы в беспечной улыбке.

– Разве? За Алату набьют морду?

– Набьют, – согласился он. – Но это неважно. Мне кажется, начинаешь интересоваться даже тем, что тебя не касается.

Я изумился как можно правдоподобнее:

– Разве?

– Я видел, – проговорил он, – как ты прислушиваешься к разговору глердов Финнегана и Джуэла. Мой тебе совет, держись от такого подальше. Если и услышишь что-то нечаянно, постарайся уйти с того места и сразу забудь, что слышал. Не нашего ума это дело.

– Да я ничего, – ответил я как можно беззаботнее, – а о чем они там говорили? Мне если не о бабах, то и неинтересно. А чего они тут расходились? У нас же помещения для слуг?

– Через наш двор, – объяснил он обстоятельно, – ходить иной раз короче. Вот и ходят. И тогда это их двор! Потому что все принадлежит глердам... А теперь бери свое ведро и неси Терде. Сюда показывайся пореже, понял? Для тебя же лучше.

– Хорошо-хорошо, – сказал я успокаивающе. – Уже бегу.

Подхватив ведро, я сделал два шага, как за спиной раздался повелительный окрик.

В мою сторону уверенно идет крепкий мужчина, глерд, даже высокий глерд, судя по расшитому камзолу и обилию цепей на груди, к тому же на груди две крупные многолучевые звезды с гербами посредине.

Глава 11

На меня остро взглянули серые холодные глаза, сам глерд источает спокойную уверенность человека, который командует всем на свете.

Я поклонился, не ставя ведро на землю.

– Глерд...

Он оглядел меня с головы до ног, спросил резко:

– Рассказывай, откуда все это знаешь.

Я вытаращил глаза.

– Все это... это че?

– Как откалывать мрамор, – сказал он с нажимом – как сделать так, чтобы веревка не перетиралась, откуда узнал, как подковывать коней...

Я хотел всплеснуть руками, но в правой тяжелое ведро, я взглядом выбрал ровное место, чтобы не пролилось, опустил на землю и только тогда всплеснул, хотя получилось, признаюсь, как-то уже не совсем.

– Ваше глердство, – сказал я с почтением, – а я откуда знаю? Оно само! Ага, приходит. Или прилетает, но как-то так, не очень заметно. Говорят, есть бабы такие с крыльями, толстые, сочные, аппетитные, с вот такими, музами зовутся. Как посмотришь, откуда че и берется!.. Сразу как бы видишь, что сделать лучше. Но зато, как говорит господин Карнар, вот он стоит так красиво, не понимаю каких-то простых вещей, а здесь их каждая свинья знает. А то и куры, хотя куры совсем вон там за оградкой, но такие умные куры, вы даже не представляете...

Карнар сказал поспешно:

– Умолкни! И слушай, что высокий глерд изволит тебе, глупой скотине, говорить.

– Так он же спрашивает, – объяснил я, – а я отвечаю со всем нашим дикарским прилежанием и как бы кротостью, если смотреть сбоку, но сверху.

Карнар торопливо поклонился глерду.

– Простите, высокий глерд, но он дурак. Ему дано нечто, чего нет у других дураков, но взамен отняли кое-что важное, что есть у нас! Так что у него не больше нашего, только другое.

Глерд оглядел меня критически, я старался стоять с тем же тупым видом и полуоткрытым ртом.

Он вздохнул, махнул рукой.

– Уберите этого идиота.

Карнар скомандовал мне резким голосом:

– Юджин, быстро носи воду Терде!.. Быстро, я сказал!

Я ухватил ведро за дужку, втянул голову в плечи – ох как боюсь, как боюсь, – и помчался бегом к зияющему входу нашей дворовой.

Через двор идут трое глердов в бирюзовых кафтанах с золотым шитьем, двое смотрятся серьезно и даже скучно, но третий, краснорожий толстяк с выпирающим брюшком, рассказывает захлеб и живо жестикулирует:

– Я вчера такого кабана заповлевал! Громадный, толстый, как если бы глерда Финнегана поставить на четвереньки, вот с места мне не сойти!.. И взгляд такой же, а это сами понимаете!.. Он как помчится на меня, куда там скаковой лошади!.. Я смотрю, куда отпрыгнуть, но справа дерево, как стена, а слева кусты гойру, всю одежду изорвет...

Я опустил ведро и сделал вид, что смертельно запыхался, даже ухватился за стену.

– А глерд Финнеган, – спросил другой глерд и тут же поправил себя, – я имею в виду кабана?

Толстяк воскликнул с жаром:

– А глерд Финнеган... тьфу, этот проклятый кабан метнулся быстрее стрелы из лука!.. Я скакнул, он пронесся мимо, а я выбрался из кустов и, как только он начал разворачиваться, к-а-а-к всадил копьё глерду кабану в левый бок... Тот на спину, дергает копытами, ну вылитый Финнеган, тут подоспели остальные мои люди, с ними глердессы Алания и Тесса, я поставил ногу глерду кабану на ухо, голова слишком огромная, а тут только вижу, что совершенно голый...

– Кабан?

– Кабану можно, – возразил толстяк, – у кабанов так принято, но мне... перед дамами?

– Если на охоте, – сказал первый рассудительно, – то можно. К тому же вам, глерд Тархантер, можно и перед дамами, вас любят...

Второй добавил с сочувствием:

– Мне тоже как-то пришлось пробираться через заросли гойру. На ту сторону вышел без единой ниточки на теле. Зато в сапогах! Хоть и поцарапали, но съест не успели.

– Кожу едят медленно, – сказал первый глерд авторитетно, – если правильно рассчитать время, сапоги получаются как бы чуточку пожеванными, самый шик, сами понимаете! Некоторые щеголи нарочито там ходят, но мы, люди серьезные, до такого не опускаемся. Я, к примеру, отдаю своему кожевнику, он так умело расцарапывает, будто жена Джоэла спину...

– Да, – согласился второй глерд и мечтательно воздел глаза к потолку, – жена глерда Джоэла – это что-то...

Толстяк, который Тархантер, возопил в праведном возмущении:

– Да что вы за люди? Я про кабана, а вы про каких-то баб! Вырождаются герои!

Я тихо взял ведро и понес в людскую. В самом деле, вырождаются государственные деятели. Даже они про баб, как простолюдины, а могли бы про кабанов.

Оранжевое солнце, крупное и солидное, неподвижно и надолго застыло в зените, а на востоке резко заискрился горизонт, быстро выскочил белый слепящий диск, резко покарабкался по высокой стене небосвода, стремясь взобраться под самый купол. Мои плечи сразу ощутили добавочный жар, двор начал пустеть, а огромные цветы под стеной здания поспешно сложили роскошные лепестки и замерли.

Разгуливающие по дорожкам огромные, безобразно прекрасные жуки поспешно спрятались под листьями, огромные бабочки сложили крылья и повернулись так, чтобы не отбрасывать тени, только блестящие слюдяными крыльями стрекозы начали носиться стремительнее, охлаждая в полете вертолетообразные тела.

Белое солнце ринулось к горизонту, словно падающий в воду камень, темная линия даже прогнулась, нещадный блеск исчез, мои глаза целую минуту приспособлялись к изменившемуся освещению, что сперва показалось потускневшим, но затем снова засияло светло и радостно.

Жуки выбрались из-под листьев и снова важно зашагали по уложенным камнем дорожкам, предпочитая их блужданию в траве, бабочки перелетели на быстро раскрывающиеся цветы, уже на лету высовывая длинные языки-трубочки, свернутые в спиральки.

– Кр-р-расотища, – проговорил я смятенно, привыкая, что у меня снова одна тень, – как это Господь уравновесил все эти гравитационные составляющие? Гений, настоящий гений...

Поздно вечером, когда переделали все работы: их вообще-то не так уж и много, часть выполняет магия самого дворца, – все дворовые отужинали из деревянных мисок, правда, баранья похлебка просто чудо, улеглись на лавках, но некоторые все же смылись потихоньку, что и понятно: мы не единственные, есть дворня и в других местах, где-то женщин больше или же доступнее наших приевшихся.

Я спросил Карнара шепотом:

– А где маги?.. Если тут чуть ли не все на магии?

Он пробормотал:

– Маги?... У нас их два. Настоящих. Рундельштотт, этот в башне, и Строуд, что в подвале. Остальные мелкие, все работают на Строуда.

– А кто из двух... сильнее?

Он пожал плечами:

– Они разные. У Строуда работы больше, потому занимает весь подвал. Ему подчиняются двенадцать магов и учеников, не считая полусотни слуг. Королева требует, чтобы на землях королевства не было засухи, иначе, дескать, начнутся волнения, а ей необходимо спокойствие. Еще желает, чтобы вовремя замечали нашествие саранчи и, если не удастся справиться, чтобы перенаправляли на соседей... Если где начинают пересыхать колодцы, Строуд поспешно отправляет туда магов пониже уровнем, чтобы отыскивали подземные ключи и вывели наверх, иначе королева осерчает...

Я пробормотал:

– А она государственница. Приумножает свое богатство и свою власть, но и народу что-то перепадает... А что Рундельштотт?

Он поморщился.

– От этого никакого толку. Однако королева к нему почему-то благоволит. То ли пообещал средство от морщин, то ли продлить молодость... но у него и средств больше, и вообще как бы в фаворе. Хотя да, работает один, если не считать трех слуг. Или чуть больше, не знаю.

– Но учеников нет?

Он окинул меня критическим взглядом.

– И не надейся.

– Почему?

Он ответил уклончиво:

– Есть такие работы, когда двум делать уже нечего. Хватит расспросов, ложись спать! Завтра работы много.

Я лег на указанное мне место, все старался как-то систематизировать, что здесь происходит. Итак, правит королева Орландия, в то время как ее сестра лишена, как проскальзывает в разговорах, всяких прав. Однако некоторые лорды предпочли бы на троне тихую и справедливую Андрианну. Одни – потому, что она честна и справедлива, другие попросту надеются влиять на нее настолько, чтобы фактически править вместо нее.

Высшие глерды вообще-то желают выдать и Орландию замуж: в стране должен править мужчина, в то же время часть опасается, что король odstranit их и заменит своими людьми. Здесь тоже боевая ничья...

В лесах накапливается армия мятежников, их вождь призывает свергнуть узурпаторшу и передать трон младшей сестре. Хотя злые языки поговаривают, что трон присмотрел для себя, но вряд ли решится, раз уж его цель – восстановить справедливость в королевстве и вернуть трон младшей дочери короля.

Но Орландия почему-то медлит с подавлением мятежа, и тем самым в королевстве растет напряжение. До взрыва, как мне кажется, недалеко. Но каким он будет и к чему приведет...

Заснул я незаметно, одни видения перешли в другие, а когда пришел в себя, все еще ночь, с трех сторон храп, но не слишком жуткий, пусть я нервный, но в меру.

Почти в полной темноте кто-то поднялся, бесшумный как призрак, я только увидел, как нечто прошло мимо залитого лунным светом окна.

Некоторое время лежал, глядя в потолок. Мысли все те же – как выбраться. Вполне возможно, коллайдер забросил сюда потому, что отсюда был некий сигнал, который посчитал за направляющий? Дикая идея, конечно, но разве не дикость, что я здесь и сейчас?

Сердце стучит, сон выветрился, а когда я осторожно встал и тихонько вышел, никто не остановил ни в холле, ни на крыльце, даже не обратил внимания. Даже окаменевшие звери только покосились, но не повернули голов.

Осторожно притворив за собой дверь, я медленно вдыхал свежий ночной воздух. Во дворе тихо, безлюдно, только вдали у главного дворца, где глерды и сама королева, поблескивают в лунном свете медные доспехи и наконечники копий стражи.

В небе проплыло нечто огромное, затмевая звезды, бесформенное, но движется явно по своей воле. Я отступил на шаг, вжавшись спиной в стену, – это летящее нечто вперило в меня тяжелый взгляд, чувствую всем телом, но продолжало неслышное движение, и чувство оцепенения постепенно отпустило.

Луна пока одна, значит, неопасно. Звезд много, я вообще-то слышал про невероятных умников, что посмотрят на небо и говорят знающе, что это не наше небо, но для меня просто небо, где днем солнце, а ночью луна. Хотя солнце каждый день, а луна то есть, то нет.

Но здесь и солнце не солнце, а что-то вообще, и луны будто и не луны, а жуть какая-то. Ходи и бойсь, что вдруг выскочит из-за горизонта и обязательно укусит, как собака злая, если не спрячешься.

На крыше кузницы присела и, сильно оттолкнувшись голенастыми лапами, взметнулась в воздух огромная птица.

Я проследил взглядом, как, часто-часто взмахивая крыльями, пошла по крутой кривой в темное небо и там растворилась в черноте. Я попытался вспомнить, как выглядят устраивающие гнезда на крышах журавли и аисты, но те вроде бы намного мельче.

Глава 12

Проснулся утром свеженький, будто и не таскал вчера мешки с зерном. Некоторое время прислушивался, как тяжело поднимаются слуги, бормочут и сопят, еще не выйдя из сна, протяжно зевают, потягиваются, хрустя суставами.

Карнар поднялся первым, бодрый и подтянутый. Я под его взглядом вскочил, помахал рукой, дескать, готов к труду и обороне.

Он кивнул, на его лице тут же появилось сомнение, всякий раз такое выражение, когда смотрит на меня.

– Пойдем, – велел он, – остальные знают, кому что делать.

– А мы?

– Мы тоже знаем, – ответил он кратко.

Я вышел за ним на крыльцо, во дворе птичий гам, прибыли телеги с клетками, полными кур, гусей и уток. Наше здание, где слуги и придворная челядь, ближе всех к задним воротам дворца. Вообще-то правильно, но это значит, что пригнанный из сел скот забивают под нашими окнами, частенько и разделывают прямо на месте, по крайней мере сдирают шкуры, подвесив туши на огромные крюки.

Карнар посматривал на все это хозяйски равнодушно, все идет своим чередом, а я кивнул в сторону кузницы.

– Слушай... а что там за птица летает ночью? Громадная, крылья длиннее моих рук.

Он хмыкнул:

– Да разные. А что?

– Видел ночью просто громадную, – объяснил я, – а вылетела не то из самой кузницы, не то соскочила прямо с крыши.

Он поморщился:

– Какая ж то птица?

– Вот и мне так показалось, – сказал я осторожно. – А что было?

Он посмотрел с насмешкой в глубоко посаженных глазах.

– Дык самому кузнецу и приходится... Не понял? Ему нужны всякие травы к металлам, что тут непонятно?.. Рвать их можно только ночью, к тому же успеть, пока роса не легла, иначе все пропало.

Я протянул ошалело:

– А-а-а... так бы и сказали, мастер Карнар! Если кузнец, тогда да... А я подумал было на колдуна, но чего колдуну с кузни летать? Он может, думаю, и со своей башни, хоть и боязно прыгать с края. Я бы ни за что.

– Ты что, совсем дурак?

– А кто из ваших колдунов главнее?

– Да кто их знает, – ответил он равнодушно. – Им виднее, а со стороны и не разберешь. К ним никто приближаться не хочет: вдруг порчу наведут.

– Оба такие злые?

Он пожал плечами:

– Да кто их знает? Но раз могут навести, от таких лучше подальше. Хотя могут и не навести. Но я вот точно ни на кого не наведу, понял?

– Понял, – ответил я с восторгом. – Потому у вас столько друзей, мастер Карнар! И потому вы всегда пьяный в доску!

Он пророкотал довольный, как большой сытый слон:

– Ну вот видишь, как хорошо быть беспорчевым... Я все думаю, куда бы тебя приспособить, и пока ничего не идет в голову. Это Полипу или Кенгару всегда найду работу, а вот тебе...

вдруг в самом деле умеешь больше, чем они? Не по-хозяйски тебя использовать на простых работах, если умеешь что-то посложнее.

Я сказал почтительно:

– Как скажете, мастер Карнар!

– Походи пока так, – рассудил он, – посмотри сам. Вдруг что-то найдешь более сложное, чем таскать мешки с зерном или воду из колодца. А потом решим.

Я сказал с восторгом:

– Мудро!.. Мастер Карнар, вам управляющим бы! Вы так хорошо всем даете работу, чтобы от каждого получить наибольшую, так сказать, отдачу. А то глерда Риана и не видно вовсе...

Он польщенно улыбнулся:

– Иди-иди.

Стараясь не привлекать внимания, а то скажут, чего это он без работы, чем лучше нас, а то как глерд какой ходит, я все-таки делал вид, что чем-то занят, бесцельно не слонялся, а всегда с деловым и озабоченным видом, позаглядывал во все подсобные помещения, наговорил хороших слов кузнецу, польстил оружейнику, чья работа заключается в мелком ремонте, а мечи, доспехи и все остальное привозят из мастерских в городе, посмотрел, как растирают зерно в ступках, сорок человек трудятся, не разгибаясь, хотя проще бы одну мельницу...

Все так же озабоченно-деловито начал заходить и на ту сторону нашего здания, оттуда видно главное, а там кроме мага и часто мелькающего управителя несколько раз видел глерда Руперта Картера, начальника охраны, как объяснили вскоре. Я удивился бы, окажись он кем-то иным: высокий и суровый с худым костистым лицом, где два заметных шрама, и несколько едва различимых, постоянно в кирасе и кожаных доспехах, с широко раздвинутыми плечами и с длинными мускулистыми руками.

При его появлении подтягиваются не только стражники, но и слуги, что-то есть в нем такое, что может заставить броситься в бой любого, если вдруг на дворец нападут.

В полдень во двор вышел очень высокий и статный мужчина в длинной черной мантии, украшенной золотом и драгоценными камнями, настолько статный и величественный, что такой может быть только королем, а то и вовсе дворецким.

Ко мне сзади незаметно подошел Карнар, сказал почти шепотом:

– Церемониймейстер Френсис Гальтон. Кого-то ждет...

С другой стороны к Карнару мелкими суетливыми шажками и пригибаясь, как при обстреле, подбежал Фрийд. На меня посмотрел зло, проговорил пискляво:

– Это только нашему варвару непонятно, кого...

На залитые солнцами плиты двора пала двойная тень. С неба медленно и по-королевски величаво опускается гондола на длинных веревках, а сам огромный шар почти не двигается, яркий и праздничный, как на карнавале.

– Из Пограничья прибыл, – сказал Карнар тревожно. – Его милкнер черного цвета.

Мое сердце заколотилось чаще – это уже не магия, а настоящее воздухоплавание, – торопливо огляделся, ухватил с телеги мешок поменьше и с самым деловым видом понес к главному дворцу.

Оттуда выбежали слуги, из гондолы выбросили мотки веревок, внизу ухватили и дружно потащили вниз.

Из корзины, не дожидаясь, когда откроют дверцу, выпрыгнул через край человек в темной одежде и кирасе из черной бронзы, что, как я слышал, самая прочная на свете. Плотнo сбитый, высокий, с властными манерами, я сразу ощутил исходящую от него ауру силы и могущества.

Меня торопливо догнал испуганный Карнар.

– Ты что?

– Просто пройду мимо. Это кто?

– Сам Роднер Дейнджерфилд, – прошептал он. – Что-то стряслось...

– Иди рядом, – сказал я тихо. – Можешь взять за край... Это кто, командующий?

Он взялся за край мешка, но на меня быстро зыркнул с подозрением.

– Угадал... или знал?

Я мотнул головой так энергично, что уши вроде бы хлопнули по затылку.

– Откуда? Просто выглядит так.

Он пробормотал:

– А ты непрост. Выглядит, говоришь, как другие главнокомандующие?

К Дейнджерфилду подбежал от главного входа роскошно одетый глерд, но в кирасе поверх цветных тряпок, отвесил короткий поклон.

– Высокочтимый глерд, – сказал он тихо, но мы с Карнаром как раз идем вблизи, я услышал. – Только скажите...

– Сегодня решим, – ответил командующий тихо. Он прошел мимо нас с Карнаром, словно мы трава у дома, глазом не повел и вообще не заметил, да мы и старались стать незаметными, – сегодня!

Глерд, который в кирасе, пошел с ним рядом, то и дело чуть склоняясь, словно отвешивает почтительные поклоны.

Мы донесли мешок почти до ступеней дворца, там стражи взяли за копыта покрепче, готовые выставить нам навстречу.

Я хлопнул себя по лбу.

– Ох, что это я?.. Нужно было не сюда!

Карнар с облегчением повернулся, не выпуская мешка. Когда мы шли обратно, спросил шепотом:

– Зачем это тебе нужно?

– Озарение, – ответил я твердо. – Еще не знаю какое, но что-то заставило сделать вот так и добавило с пафосом, что это на пользу королеве и отечеству! Иди, мол, и твори.

Он молча помог нести мешок, а когда я забросил его обратно на телегу, покачал головой:

– Только бы войны не было.

– А что, – спросил я, – этот хочет войны?

– Жаждет, – ответил он невесело, – но королева пока против. Женщины трусливее.

– Но прибыл неспроста, – сказал я, – что-то будет. Ох, что-то будет... Этот Роднер, который еще и Дейнджерфилд, выглядит настоящим ястребом.

– Ястребом?

– Поджигателем войны, – объяснил я. – Что и понятно, только он будет на виду. А война хоть хорошая? За идеалы, свободу, демократию, освобождение угнетенных масс трудящихся... Или как?

Он смотрел на меня очень внимательно.

– Варвар, говоришь?

– Из леса, – подтвердил я гордо, хотя вообще-то попался, – у нас та-а-акой лес!.. Но с озарениями. Озаряет нас, значит. Спасибо, Карнар!

– За что?

– Даешь осмотреться, – ответил я.

Он пробормотал:

– Не на свою ли голову?

– С меня причитается, – пообещал я.

– Клочок твоей шкуры разве что, – буркнул он. – Ты здоровый, с тебя на два барабана хватит. Еще клочок и останется...

– Он твой, – заверил я. – Карнар, а что мне тут вообще можно?

Он посмотрел на меня внимательно, но на лице отразилась нешуточная борьба, наконец сказал в нерешительности:

– У тебя странное положение... Непонятное. Ты не глерд, просто слуга, но и не совсем просто, потому что хоть и простолюдин, но Улучшатель. В нашем королевстве, как и в соседних, есть либо глерды, либо простолюдины. Агерцери все, если верить легендам, были только из глердов... причем высших. Потому здесь еще не решили, как к тебе относиться. Но ты пока держись тихо. Понял?

– Понял, – ответил я покорно.

Он хлопнул меня по плечу и удалился, и почти сразу ко мне подошел человек в длинном плаще и с надвинутым на лицо капюшоном, я инстинктивно насторожился, руки сами приподнялись для защиты.

Он подошел совсем близко.

– Господин, – произнес так тихо, что почти прошептал, – не желаете ли купить зуб молодого дракона? Правда, малость поискрошился...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.